

Анатомия счастья

Автор:

Кристоф Магнуссон

Анатомия счастья

Кристоф Магнуссон

Скорая помощь для души

Жизнь Аниты полна суеты. А как иначе, если ты одновременно врач «скорой», мать трудного подростка и женщина в поисках любви? Анита привыкла жертвовать собой ради других. И когда ей кажется, что пришло и ее время быть счастливой, жизнь снова ставит ее перед выбором: отступить ради благополучия близких или же наконец подумать о себе. Выбор непростой. Как же легко живется эгоистам – им не приходится выбирать, что важнее: счастье близких или личное.

Кристоф Магнуссон

Анатомия счастья

Kristof Magnusson

ARZTROMAN

© Кукеc A., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моей сестре Николе

Сострадание всем живым существам – вот что делает человека человеком.

Альберт Швейцер

Нет!

Хайди Клум

Время

Прогноз погоды после вечерних новостей снова обещал жаркий день, еще один в длинной череде жарких дней, которая казалась Аните Корнелиус бесконечной. Жара уже несколько недель не давала спать по ночам. В эту ночь она снова пыталась уснуть, и снова пришлось коротать время перед телевизором, смотреть новости, доедать последний соленый крекер, оставленный одним из коллег с дневной смены.

Это была довольно обычная ночь на станции «Скорой помощи» в клинике «Урбан» в берлинском Кройцберге. Три вызова получили Анита и ее помощник Маик: боль в грудной клетке, повышенный сахар в крови и острая боль в животе. Все старики. Так оно всегда, особенно в этом районе. Желтая пресса обожает трезвонить, как здесь на каждом углу торгуют наркотой или пыряют ножом. «Частые болезни бывают часто, а редкие – редко», – это Анита усвоила еще студенткой, так их учили. А самая частая болезнь в этой стране – старость.

Анита встала и пошла к автомату со съестным – хоть чего-нибудь вкусненького взять, что ли. Бросила монетку, выбрала «Марс» и стала смотреть, как металлическая спираль выталкивает шоколадку из глубины полки. Батончик

покосился, перевернулся, встал криво, стал падать верхней частью вниз, наткнулся на спираль как раз, когда она перестала вращаться, застрял между спиралью и полкой да так и повис. Анита поглядела на вожделенный «Марс», не долетевший до цели. «Супер, конечно. Ладно еще где-то там, но чтобы в больнице барахлил автомат с едой – вообще здорово. Тоже мне больница, даже автоматы сбоят, как ей такой доверять после этого!» – подумала Анита и сочла бы это дурным предзнаменованием, если бы верила в такие вещи, но она не верила.

Анита вспомнила о сыне. Сколько раз они с Лукасом бросали монетку в этот автомат в надежде, что машина не съест их последнюю мелочь и все-таки выдаст им заветную шоколадку. Когда Лукас был маленьким, он умел эти автоматы вроде как заговаривать, ну, или уговаривать. Тогда шансы получить сладкое возрастали. Теперь Лукасу четырнадцать, и он перестал, конечно, заклинать автоматы с едой, да и вообще редко стал заходить в клинику, навещать мать на работе, хотя жил к больнице даже ближе, чем сама Анита, метрах в ста, со своим отцом, бывшим мужем Аниты, и его новой подругой.

Анита ударила автомат кулаком. Толку от этого, скорее всего, никакого, и она об этом знала. Но все равно стукнула от души. Нельзя же просто так терпеть, что автомат вот взял и присвоил себе ее шоколадку, давай, тряси его! Напирай изо всех сил! В кармане брюк резко зажужжало. Приемник персонального вызова. Пейджер. Она посмотрела на экран: Вызов: 1600: Бригада службы спасения 1505. Скорая: Е 46. Адрес: Скалицерштрассе, 72.

Время: 00.32. Анита выключила сигнал и поспешила назад, накинула служебную оранжевую куртку, провела рукой по волосам, откидывая их назад, так чтобы они в относительном порядке улеглись на спине поверх надписи «Скорая помощь». Маик вышел из своей комнаты, тоже уже совершенно одетый, поправляя руками прическу, слегка примятую подушкой, с которой он минуту назад поднял голову. И оба они, на ходу причесываясь пятерней, прошествовали на выезд. Маик всегда говорит: «Берлинский пожарный никогда не бежит на вызов и не идет – он шествует»[1 - В Берлине «Скорая помощь» состоит из двух подразделений: службы спасения и врачей «Скорой помощи». Служба спасения относится к пожарной охране. На вызов выезжают двое спасателей в фургоне, который и представляет собой карету «Скорой помощи». Одновременно на вызов со станции «Скорой помощи» приезжает врач-специалист с ассистентом. Ассистент является и водителем, по специальности он может быть также и пожарным, и спасателем, и медиком. Машина врача «Скорой помощи» – это

легковой автомобиль, не предназначенный для транспортировки больных, поэтому при необходимости врач переходит в фургон спасателей и сопровождает больного в клинику. (Примеч. пер.)].

Они сели в машину и выехали с территории клиники. На набережной Карла Герца поехали быстрее, оборудование и медикаменты громко зазвякали в ящиках. Анита не сводила глаз с черных окон, которые вспыхивали синим светом, когда мимо них проезжала машина «Скорой помощи», быстро и собранно двигаясь к своей цели. Из диспетчерской службы между тем пришли уточнения по вызову: автомобильная авария. Вот что их ждет этой ночью.

– Привет, доктор-солнышко, хорошо спалось? – заговорил Маик, когда повернули на Бервальдштрассе.

– Автомат с едой не работает.

– Пусть этой ночью сломанный автомат будет нашим самым тяжелым пациентом.

– Да будет так, – согласилась Анита.

Она радовалась, когда с ней на вызов ассистентом выезжал Маик. Ночные вызовы, нарушения Правил дорожного движения (сколько раз проезжали на красный свет!), долгие часы без сна в тревожном ожидании – Анита Корнелиус и этот детина с черной густой шевелюрой и татуировками на руках давно стали друзьями и после работы иногда ходили вместе выпить пива. Маик даже как-то признался Аните, что несколько семестров изучал медицину, о чем не знал никто из его коллег-пожарных.

– Такая жара, не могу уснуть, – пожаловалась Анита.

– А я ничего, сплю, – зевнул Маик, как будто в доказательство, и включил сирену, прежде чем они повернули на Гичинерштрассе. Ох уж эта сирена. Ночью она кажется особенно громкой. Так что Маик скоро снова ее выключил. «Вот и хорошо», – подумала Анита. Ей не хотелось совсем уж просыпаться, может, после этого вызова она наконец поспит. Когда кто-нибудь в Берлине набирает номер 112, обычно выезжает служба спасения. А если в диспетчерскую поступают тяжелые вызовы, высылают Аниту и Маика. И нередко случается так, что эти двое, уже выехав по вызову, получают отбой и возвращаются обратно на

станцию, потому что, как выяснилось, случай все-таки не такой тяжелый, как ожидалось, достаточно и службы спасения. И если повезет на этот раз, то Анита еще успеет вернуться в клинику и вытрясет из автомата свою шоколадку.

До Коттбусских ворот домчались одним духом, но тут движение пошло плотнее. На тротуаре перед баром S?dblock два нетрезвых субъекта разбирались, куда им идти: один собирался в сторону Силезских ворот, второго несло в направлении Галльских. Через минуту Анита и Маик проехали мимо компании молодых людей в одинаковых футболках, явно с последней холостяцкой вечеринки.

Анита поглядела им вслед и стала перебирать в памяти, что понадобится для оказания помощи в случае тяжелой автомобильной аварии: медикаменты, торакальное дренирование по методу Мональди, чтобы выпустить сжатый воздух или откачать кровь, которые давят на легкие. Оптимальная точка для пункции – между вторым и третьим ребрами, медиоклавикулярно. Она, конечно, и так все это знала, но, когда лишний раз вспоминаешь одно за другим, становится спокойнее.

Машины между тем двигались перед ними так медленно, что Анита уже стала сомневаться, правда ли так все плохо там, на месте аварии? Может быть, просто какой-нибудь пьяный из ночного бара неудачно перебежал улицу перед еле плетущимся автомобилем.

Транспорт остановился совсем. Место аварии еще не было видно, но Анита различила уже отблески мигающих синих огней на стенах домов. Машины стали расступаться, как могли, медицинский автомобиль с трудом протискивался вперед. Вот уже видны и первые автомобили службы спасения, экстренной помощи Йоханнитов, пожарный фургон, служба координации медицины катастроф, двое полицейских в желтых неоновых жилетках перенаправляли поток машин в объезд. Анита поняла, что не судьба ей сегодня скоро вернуться обратно на станцию.

– Устроили тут дискотеку с синей светомузыкой, – заметил Маик.

– И не говори. А я-то надеялась на вмятину на бампере и все.

– Да прям, тут какой-то Себастьян Феттель[2 - Себастьян Феттель – немецкий гонщик, чемпион «Формулы-1».] недоделанный за рулем. – И Маик через лобовое

стекло указал на автомобиль, который прямо лбом врезался в железнодорожную опору линии метро U1.

Анита совершенно проснулась. Из коробки достала одноразовые перчатки, взяла дефибриллятор и вышла из машины. Маик перебросил через плечо рюкзак неотложной помощи и подхватил в руку другой, с надписью «Травма». И оба подошли к опоре метромоста, которую обступили пожарные, полицейские и спасатели. Отражающие куртки ярко вспыхивали в свете фар, и над всеми головами, касками, фуражками чья-то рука высоко держала пластиковый пакет для капельницы с мерцающей жидкостью.

Под ногами, словно на садовой дорожке, заскрипел песок, которым пожарные забросали вытекший бензин. Темно-синий «БМВ», деформированный настолько, будто собирался превратиться во что-то другое. Капот, вернее, то, что от него осталось, совершенно сливался с опорой метромоста. То, что раньше было передним пассажирским сиденьем, превратилось в месиво из металла, пластика и рваных жгутов, решетка радиатора и номерной знак скрутило в один узел, бампер торчал вертикально, и его верхний конец прикрыт был оранжевым конусом, чтобы никто не поранился об острые края.

– Роскошное авто, – оценил Маик, – лучшее изобретение «БМВ» и самое дорогое.

– И, видимо, самое быстрое, – отозвалась Анита, – не меньше восьмидесяти летел, как думаешь?

– Давай лучше спросим у коллеги, который держит капельницу.

И Маик подошел к спасателю-ассистенту, который держал пакет с жидкостью. Анита знала этого человека, видела его много раз – коллега из службы Йоханнитов, что на Венской улице.

– Доброго утра, – поздоровалась она, – что у нас тут?

– Водителя зажало в машине. В сознании. Говорить может. Давление 120 на 80, пульс 90, – отвечал ассистент, свободной рукой указывая на место водителя, – слава богу, окно было открыто. Смогли наложить шейный бандаж. Но его там зажало рулем. Продвинуться дальше не можем, руль мешает.

Спасатель вздохнул с облегчением: врач на месте, не надо больше принимать решения по медицинской части.

Такая авария даже для большого города – редкость. Даже Маик поначалу растерялся, когда подошел поближе к зажатому водителю, а уж Маика-то, кажется, ничем не удивишь.

Анита, уже автоматически, сосчитала про себя до трех, это помогало успокоиться в трудных ситуациях. И вот она уже и сочувствует жертве, и боится ошибиться, и заодно появилось нечто вроде эйфории оттого, что все ждут ее указаний. Но теперь спокойно, без эмоций, разумно оценить ситуацию, определить, в чем, собственно, проблема. Сотни раз она уже это делала, однако на этот раз что-то было особенное, не так просто, как обычно. Она стала считать дальше: пять, шесть, семь... Теперь глубокий вдох, и Анита обратилась к спасателю:

– Ну, приступим.

Она окинула взглядом месиво, в которое превратился новенький автомобиль. Интересно, что такое нужно сделать с этим авто, чтобы уж сразу на тот свет? Она заглянула в искореженный салон, и утихшие было эмоции тут же вернулись. Мальчик. Совсем еще мальчик. Анита ожидала увидеть взрослого мужчину, уверена была, что именно его и увидит, но водитель оказался чуть старше ее сына, лет семнадцати-восемнадцати, не больше. Аниту всякий раз шокировал вид таких юных существ в подобном беспомощном состоянии. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвести глаза от пострадавшего.

Юноша был худенький, и в своей застывшей неестественной позе с шиной на шее напоминал манекен для тестирования автомобилей. Левая рука его плетью свисала из открытого окна, как будто ее оттягивал вниз маленький белый датчик кислорода в крови, прикрепленный к указательному пальцу. Показатели кислорода, к счастью, были в норме.

Анита отогнула солнцезащиту, все еще наполовину свисающую с потолка салона, отодвинула, сколько могла, уже сдувшуюся подушку безопасности и заговорила:

– Я врач «Скорой помощи». Вы меня слышите?

Спросила скорее по привычке, потому что сама себя еле слышала: рядом пожарные только что завели генератор, и один из спасательных автомобилей с громким гудением сдавал назад.

– Дышать можете? – крикнула Анита в ухо пострадавшему.

Губы юноши сложились в подобие слова «да», и он, насколько позволял шейный бандаж, попытался повернуться к врачу. «Глаза переводит синхронно, – подумала Анита, – добрый знак».

– Я должна посветить вам в глаза одну секунду, ладно?

Она оттянула вверх одно веко, потом другое.

Зрачки одинакового размера, с четким контуром. Если было кровоизлияние в мозг, очевидно без тяжелых последствий, однако черепно-мозговую травму исключать нельзя, хотя ни на панели приборов, ни на лобовом стекле, ни на руле вмятины в форме лба не заметно.

– Где тебе больно? – спросила Анита, переходя на «ты» после того, как посветила ему в глаза и погладила по гладкой щеке.

– Спина, – был ответ.

Анита взяла большой фонарь и посветила в салон. Сцепление, педаль газа и тормоза от удара изогнулись вокруг ног пострадавшего. Анита просунула руку между рулем и дверью и ущипнула мальчика за бедро.

– Чувствуешь что-нибудь?

Ущипнула еще раз, так сильно, что у самой заболели пальцы.

– Что чувствуешь?

– Ничего, – проговорил мальчик, и Анита увидела слезы у него в глазах.

Обычно, когда пострадавший в шоке, он не соображает, что с ним происходит, но юноша, кажется, отдавал себе отчет, что означает эта его нечувствительность. И Анита, заметив страх в его глазах, сама оставалась совершенно спокойна и продолжала почти автоматически делать то, что в подобных ситуациях делала всегда: она погладила мальчика по голове и успокоительно произнесла уверенным твердым альтином:

– Я тебе помогу.

«И после того, что я тебе сейчас дам, ты обо всем этом вообще забудешь», – подумала она про себя и обратилась к Маику:

– Набери кетамин.

– Что?

– Кетамин! – выпалила Анита, пытаясь перекричать окружающий шум.

Теперь еще и метро линии U1 в направлении Шпрее[3 - Шпрее – река, на которой стоит Берлин.] грохотало прямо над головой по метромосту.

Кетамин. Анита и Маик часто его использовали в таких случаях, он действовал быстро и безотказно, боль у пострадавших стихала, а дыхание не сбивалось. От кетамина просто возникало ощущение бестелесности, а в подобной ситуации пациент только и мечтал о том, чтобы выйти из своего истерзанного тела с его болью, чтобы тело оказалось отдельно, само по себе.

Маик протянул ей шприц и прокричал:

– Дормикум тоже надо?

– Да!

Анита нащупала вену и один за другим ввела обезболивающее и успокоительное. В очередной раз она удивилась и порадовалась, как быстро и благотворно действовали оба препарата, как дыхание пострадавшего стало ровным и спокойным, как в считанные секунды исчезло выражение страха с его

лица.

Рядом с ней мужчина в униформе громко что-то говорил в рацию. На спине его куртки Анита прочла «Начальник службы спасения». Она похлопала его по плечу:

– Я доктор Корнелиус. Здравствуйте!

– Крушевски. Доброе утро. Ну? Такое не каждый день случается, а, доктор?

– Вы правы. Даже не знаю, как дальше быть.

– Перелом позвоночника?

– Говорит, ног не чувствует.

– Тогда делаем кабриолет? – предложил главный спасатель и антенной своей рации указал на крышу смятого автомобиля.

Очки для чтения у него на носу на первый взгляд совсем не подходили к его униформе и пожарному шлему, но это только на первый. На самом деле они как раз соответствовали его манере держаться и говорить: он разговаривал с Анитой, как с честью постаревший ремесленник-профессионал с бестолковой заказчицей, которой вынужден объявить, что существует лишь одно правильное решение ее проблемы и, как бы оно ни было дорого, выбора нет никакого, а потому она, ежели не полная дура, сейчас же должна согласиться с мнением мастера.

Он глядел на доктора Корнелиус поверх очков, наклонив голову вперед. А вокруг них пожарные уже распаковывали и подключали свою аппаратуру. Только скомандуйте, и они вскроют крышу автомобиля, отпилят ее начисто и извлекут пострадавшего из салона, не потревожив его позвоночника. Это самый щадящий способ, но и самый длительный. Сколько пострадавший может ждать, выдержит ли – это решать доктору. Кто-то протянул ей пожарный шлем.

– Ну так что? – уточнил старший спасатель Крушевски.

Анита отерла пот со лба и надела шлем. Невыносимая жара. Подумала еще секунду и произнесла:

– Начинайте.

Аните этот начальник спасателей показался каким-то слишком уж самоуверенным, излишний энтузиазм всегда сомнителен. Не может быть, чтобы этот случай был для него обычным делом, даже он не каждый день проводит такие операции. А между тем ведет себя так, будто для него все однозначно, совершенно ясно, очевидно. Конечно, ему необходимо действовать, и ему, и его парням неприятно просто так без дела стоять возле зажато в салоне мальчика. Но ведь Анита не успела обследовать пациента как следует. Ясно только, что у него в крови достаточно кислорода и что он слышит. И еще, как ни странно, в состоянии плакать. Но зато никто точно не знает, что случилось, когда молодой человек так резко затормозил и разом сбросил скорость с восьмидесяти километров в час до нуля. Его тело пересек ремень безопасности, это точно. Внутренние органы врезались в ткани, кровь плеснула по сосудам, мозг изнутри ударился о черепную коробку. Какая часть тела пострадала больше всего? С медицинской точки зрения такие случаи – это всегда гадание наудачу, вот это Аните больше всего и не нравилось.

Ей казалось, что спасатели с каким-то излишним удовольствием пускают в ход свою тяжелую аппаратуру и распиливают на куски искореженный автомобиль, и чем дороже авто, тем больше их хищное ликование. Однако необходимо попасть в салон, чтобы обследовать водителя.

– Хорошо. Начинайте. Только сначала вскройте переднюю дверь со стороны пассажирского сиденья, мне необходимо проникнуть внутрь, – объявила Анита и почувствовала, что окружающие вздохнули с облегчением.

Наконец-то есть план действий! Спасатели подперли автомобиль деревянными балками, чтобы не шелохнулся, пока его распиливают. Один принес инструмент – нечто вроде гигантских ножниц, похожих на клешни омара, – и встал около крыла со стороны пассажирского сиденья. Генератор заревел, и огромные ножницы с треском и лязгом смяли крыло над колесом. Автомобиль качнулся, пострадавший зажмурился. Из-под сжеванного крыла показались новые, еще блестящие шарниры передней двери. Треснуло раз, другой, и пожарный открыл дверь так же легко, как открывают окошки рождественского календаря.

– Прошу, фрау доктор, – произнес старший спасатель Крушевски, как таксист, приглашающий пассажира в салон автомобиля.

Анита без труда шагнула в машину и опустилась на пассажирское сиденье. Резкий запах паленого пластика и стеклоомывающей жидкости ударил в нос. Генератор на минуту притих, и Анита услышала музыку. Играла песня Blurred Lines Робина Тика, жизнеутверждающий веселый летний хит в стиле R’n’B. Анита поискала глазами мобильный телефон пострадавшего на панели управления. Весьма пригодился бы, надо ведь оповестить близких. Но музыка доносилась из дешевенького MP3-плеера. И Анита выдернула его провод из розетки.

Ей передали второй шлем, она надела его на голову юноше, отстегнула ремень безопасности и кривыми медицинскими ножницами разрежала у него на груди футболку, прямо посередине надписи «Выпуск-2014». Ткань разошлась, грудную клетку по диагонали пересекала гематома, повторявшая форму ремня безопасности. Анита наклеила пострадавшему на грудь четыре электрода и подсоединила их к дефибриллятору со встроенным монитором жизненных функций. Юноша все это время смотрел прямо перед собой застывшим взглядом.

Монитор показал сердцебиение в регулярном синусовом ритме. Анита пощупала живот пациента: никакого напряжения мышц, ни малейшего сопротивления, мягкий живот. Послушала легкие, но из-за окружающего грохота ничего не могла разобрать. Она прижала стетоскоп плотнее к его груди, а наушники – глубже в уши, и в какой-то момент, когда генератор на секунду стих, уловила медленный глубокий шум, сначала с одной стороны, потом – с другой. В окне возникло лицо старшего спасателя, он явно что-то говорил. Анита вынула наушники стетоскопа из ушей и крикнула:

– Что?

– Режем крышу! – крикнул в ответ начальник и протянул Аните одеяло, которым она накрыла с головой и мальчика, и себя. Стало тихо и темно, под одеялом не слышны были суэта и шум. Мальчик тихо застонал.

– Покрывало нужно, чтобы осколки стекла нас не поранили, – объяснила Анита.

– Как только я отсюда выберусь, оставлю машину и пойду. Меня ждут. Мы договорились собраться и отметить, – выдал вдруг пострадавший и снова

тяжело задышал.

Очевидно, действие кетамина заканчивалось. Анита включила фонарик и посветила на монитор. Сердцебиение участилось, давление падало. Только бы не стало хуже!

– Долго мне еще тут торчать?

– Сейчас крышу отпилят и тебя вытащат.

– Почему?

– У тебя ноги застряли.

– И что у меня с ногами?

Он попытался выпрямиться, так что Анита пожалела, что сказала ему о ногах. Прямо у них над головами резко что-то треснуло, как будто разбилась большая бутылка. Должно быть, это пожарным молотком раздробили лобовое стекло. Юноша вздрогнул. Послышался другой звук: что-то пилили.

– А после вечеринки пойду пешком домой. Честное слово, – пообещал пострадавший.

Анита кивнула.

Пока кровяное давление и дыхание относительно стабильны, остается только психологическая помощь: за руку поддержать, успокоить. Монитор периодически тихо пищал. Под одеялом сгущалась жара душной ночи в последних числах лета. Анита еще раз посветила фонариком в лицо пациенту. С пожарным шлемом на голове, с маленьким порезом на щеке он теперь совсем походил мальчика, который играет в пожарного. Что он вообще делает в таком пафосном авто? Неужели угнал? Или взял у папы покататься? А в курсе ли папа? Или живут в Берлине детишки, которым подобные автомобили дарят в день получения водительских прав?

– Ты помнишь, что произошло?

– Нет.

– Как же быстро под одеялом становится жарко, да? Мы с сыном раньше часто под покрывалом играли в спелеологов, с фонариком и радиоприемником. У меня есть сын. Ему четырнадцать.

Анита просто хотела его отвлечь, неважно, что говорить. Можно было бы и о погоде, обычно она так и делала, но почему-то на этот раз ей захотелось поговорить о Лукасе.

– Теперь он, конечно, уже слишком взрослый для таких игр. С ума сойти, как быстро дети растут. Еще вчера как будто бегал по пляжу между ларьком с мороженым и киоском с жареной картошкой. А теперь вот сам ездит от Херманнштрассе до Алекса[4 - Алекс – Александерплатц – одна из центральных площадей Берлина.] и обратно.

Машина затрещала и загромыкала громче и яростнее, затряслась сильнее, дизельный генератор у спасателей неистово заревел. Резкий толчок, как будто машина с разбега налетела на бордюр. Выпиливали стойку между лобовым стеклом и водительским сиденьем, но водитель этого как будто и не заметил, он даже не вздрогнул.

– Чуть-чуть осталось, – сообщила Анита.

Мальчик помолчал и попросил:

– Вытащите меня уже отсюда наконец...

Пауза.

– Мне тут тесно...

Снова пауза.

– И...

Тут он умолк. Прямо посреди фразы.

Монитор запищал громче и тревожнее. Так надрывно голоса приборы, когда в крови пациента резко падает уровень кислорода. Анита померила ему давление.

Нехорошо.

– Ты знаешь, где ты находишься и почему?

Молчание.

– Говори же! – крикнула Анита. – Отвечай!

Ей показалось, что мальчик попытался кивнуть, несмотря на шейный корсет, на самом деле его голова просто опрокинулась вперед. Монитор заверещал совсем угрожающе. И быстрее. Она снова пощупала живот пострадавшего, на этот раз живот был совсем жестким. И Анита поняла, что теперь у нее другой план действий: сначала надо лечить то, что наиболее опасно для жизни.

Человеческое тело виртуозно умеет экономить свои ресурсы. Вот, допустим, большая потеря крови – тут же уменьшается кровоснабжение наименее жизненно важных частей тела, приостанавливается деятельность некоторых органов, сужаются сосуды. Особенно у молодых людей организм способен долго компенсировать внутреннее кровотечение. Однако это свойство тела с возрастом быстро исчезает. Анита отбросила одеяло и крикнула:

– Стоп!

Прожектора освещали место аварии, будто это было футбольное поле. Анита зажмурилась, стукнулась своей каской о крышу машины, спотыкаясь, выбралась из автомобиля и отпихнула в сторону спасателей, которые только что принялись перепиливать стойку со стороны пассажирского сиденья. Начальник бригады поглядел на доктора так, как если бы она неудачно пошутила.

– Он отключился. Надо его вытащить. Срочно!

– Нам надо еще несколько минут!

– Нет у нас никаких минут! У него кровотечение.

Спасатели и их начальник одновременно уставились на пострадавшего. Крови нигде видно не было. Но Анита была уверена: где-то внутри мальчик ранен, может быть, разорвался сосуд. Удар был слишком силен, точно где-то внутри повреждение.

– Но он же говорил, что ног не чувствует, – произнес в недоумении начальник, – у него же что-то с позвоночником.

– Сейчас плевать на позвоночник! Лучше оказаться в инвалидной коляске, чем в могиле! Вынимайте его!

– Вам виднее. Вы ученая.

На мгновение все застыли. Анита точно знала: с каждым ударом сердца мальчик теряет очередную порцию крови. Пожарные снова врубили гидравлические ножницы. Анита опять забралась в автомобиль. Встала на колени на пассажирском сиденье и обхватила парня руками. С большим трудом протиснула руку между его спиной и спинкой сиденья, на другой стороне сиденья нащупала рычаг, потянула за ручку, и спинка кресла откинулась назад. И хотя она держала пациента изо всех сил, его туловище плюхнулось, как мешок, на опустившуюся спинку. Она повернула его, подвинула так, чтобы он оказался у нее на руках, обхватила его живот, его правую руку положила ему на живот так, чтобы защитить печень. Потом через пассажирское сиденье стала его тянуть, тащить, толкать, вперед, назад, туда, сюда, но он плотно застрял. Другой рукой Анита дернула его за ноги, раз, другой, схватила педаль газа и отогнула ее в сторону. Как же долго! Ноги пострадавшего были свободны. Она перетасила его побелевшее тело через ручной тормоз и коробку переключения передач, одной ногой встала на землю, другой – уперлась в искореженный автомобиль, наполовину вытянула бесчувственного паренька из салона, подхватила его на руки. Пожарные в ужасе уставились на нее. До сих пор они боялись лишний раз пошевелить машину, чтобы не потревожить пострадавшего, а тут такое. На другой стороне Скалицерштрассе заволновалась толпа зевак. Но Анита была уверена: сейчас главное только одно – время!

Уже теперь никто не сомневался: фрау доктор не шутит.

– Грузите его! – скомандовала Анита. – И поехали!

Начальник бригады пришел ей на помощь: подхватил парня под мышки и вместе с Анитой вытащил его совсем из автомобиля. Двое спасателей погрузили его на носилки. В шоковом положении, с поднятыми ногами, его уложили в реанимобиль, тут же сделали интубацию и увезли.

Пока один из спасателей задним ходом выводил реанимобиль из толпы, Анита еще раз взглянула на искореженный «БМВ». Подпертый грубыми деревянными балками, с наполовину отпиленной крышей, «БМВ» напоминал старомодный объект искусства, критикующий общество потребления, символ капиталистического благополучия, превратившийся в хлам. Анита видела нечто подобное как-то раз на задних дворах старых домов в берлинском Митте[5 - Митте – один из центральных районов Берлина.].

Заиграла сирена реанимобиля, пострадавшего увезли мимо Силезских ворот, по Варшавскому мосту, к Франкфуртским воротам в направлении клиники «Скорой помощи» в Марцане.

Анита сделала мальчику внутривенное вливание. Если кровь в его венах убывает, то пусть ее хотя бы замещает физраствор. Когда она просматривала бумажник подростка в поисках его имени, наткнулась на фотографию пары, на вид не старше, чем сама Анита и ее бывший муж Адриан. Она не стала долго останавливаться на этом снимке, объявила в диспетчерскую, что поступит пострадавший с многочисленными травмами, так что к ее приезду в клинике уже было готово все, что только может предложить ночная смена в отделении травматологии: анестезия, рентген, хирургия, нейрохирургия, заботливый медицинский и технический персонал, ассистенты. Целая дюжина человек в пестрых рентгенозащитных фартуках, как будто они участвуют в представлении.

Как только парня привезли в реанимацию, хирург-травматолог провозгласил:

– Тихо все! Врач «Скорой помощи», докладывайте!

И Анита доложила.

Дальнейшее напоминало по своей драматургии и хореографии спектакль, который Анита наблюдала уже сотни раз, и всякий раз с восхищением. Пациента с носилок перенесли на хирургический стол, врач-узист уже стоял рядом с прибором ультразвука. Датчик уже был покрыт гелем, и врач прижал его к животу пострадавшего, чтобы выяснить, где повреждения и кровотечение. Медсестра разрежала одежду, санитар ввел катетер в мочевого пузырь. Уже были готовы рентгеновские снимки. Вся толпа медиков набросилась разом на пациента, как стайка пираний. А Анита теперь могла отдохнуть, она свою работу выполнила.

Она села за стол в стороне, заполнила положенный протокол оказания скорой помощи, а между тем краем уха слышала, что ультразвук подтвердил ее опасения. Разрыв аорты. Незначительный разрыв из-за высокого давления растянулся, и кровотечение так усилилось, что стало давить на позвоночник. Скорее всего, из-за этого пациент не чувствовал ног.

– Диагноз по факсу пришлете? – напомнила Анита уже на выходе.

– Разумеется, как всегда, – отвечал хирург, – спасибо вам большое. До следующего раза.

Анита вышла из приемного покоя, Маик ждал в машине. По дороге на подстанцию они нажали на информационном пульте на единицу, это означало, что бригада снова свободна и готова к новому выезду. Однако остаток ночи прошел без происшествий. Все было спокойно. Никаких вызовов, так что Анита и правда смогла поспать, проснулась перед самым концом ее смены и получила факс от хирурга из приемного покоя в Марцане: мальчика срочно прооперировали, пациент стабилен, позвоночник не поврежден. В начале девятого утра Анита покинула клинику «Урбан» в наилучшем настроении.

Ночью прохладнее не стало. Как только встало солнце, опять стало припекать. Наступило утро. Анита Корнелиус возвращалась домой мимо Suffmanufaktur, круглосуточной пивной. С годами все больше стекол в окнах этого заведения заменялись фанерой, но Анита без труда заметила, что пивная переполнена до отказа. Входная дверь распахнулась, и два молодых человека в узких джинсах, бейсболках и облегающих майках вывалились наружу, и один сказал другому:

– And now, let's get drunk[6 - А теперь давай напьемся (англ.)].

Анита прошла мимо. Каждое утро она шла домой этой дорогой и всякий раз после ночной смены любовалась на подобное шоу. С этого начинался день в пивной с фанерами вместо стекол, так что Анита уже чувствовала себя удивительным образом связанной с этими людьми: у них тоже была своя бессонная ночь, своя вахта, как и у нее. Для Аниты ночь заканчивалась в тот момент, когда пивная Suffmanufaktur оставалась у нее за спиной. Тогда и для нее наступал рассвет, вставало солнце, звонко начинали трещать черные стрижи, взмывая из-под крыш домов в небо, поворачивающееся лицом к солнцу.

Она проспала до полудня. Встала и принялась за уборку. Сегодня придет сын, Аните не хотелось принимать его в неопрятной квартире. В гостиной она подняла с пола две упаковки из-под мороженого, выпитую винную бутылку и почти пустой пакет с арахисом и выбросила все это в мешок китайской забегаловки «Счастье», в котором она вчера принесла домой «Номер 47 с рисом».

И спустя год после развода гостиная Аниты походила на мебельный склад. Когда они разъезжались из общей квартиры, Адриан почти ничего из мебели с собой не взял: у его новой подруги Хайди идеально обставленная и оборудованная квартира, лишнего им не надо. Адриан забрал только кофеварку и постер Майлса Девиса в рамке. Вся мебель досталась Аните, но в ее новой квартире гостиная была невелика, так что туда теперь было не протиснуться между двумя диванами, тремя креслами и целой коллекцией картин, которые висели прежде в их общей квартире, а здесь стояли на полу, прислоненные к стене.

Анита знала, что от половины точно надо избавиться, но вместо этого в первую очередь купила мебель в комнату Лукаса, он ведь все свое имущество забрал с собой, когда поселился вместе с отцом у Хайди. В остальном вдохновения Аните хватило лишь на пару кухонных шкафов и новую кофеварку.

В спальне в ящике ночного столика Анита год назад, после развода, припасла три презерватива, так они и лежали там нетронутыми. Анита взяла новый номер журнала «Скорая помощь» и положила сверху на презервативы, а потом энергичным движением задвинула ящик. Готово. В комнате сына, в отличие от гостиной, совсем нечего было убирать. Лукас сам задвинул свой крутящийся стул под стол, компьютерная мышь лежала ровно посередине своего коврика с портретом Барта Симпсона, рядом с клавиатурой. Даже кровать была убрана, на ночном столике лежала стопка карточек с английскими словами. Анита покачала головой. В комнате Лукаса такой неестественный порядок, что мать

обрадовалась бы даже полупустой бутылке яблочной газировки, закатившейся под кровать, иначе эта комната совсем не походила на детскую, а, скорее, на какой-то офис, которым ее четырнадцатилетний сын пользовался три дня в неделю, когда не проживал с отцом и его подругой.

После развода, пусть даже мирного, когда бывшие супруги не забрасывают друг друга грязью, неминуемо две новые квартиры соревнуются между собой – где лучше жить ребенку. И то, что Лукасу понравилась его новая комната, для Аниты означало, что ее новая жизнь удалась. Конечно, новый компьютер был мощнее, с большей памятью, и монитор на несколько дюймов шире, но уют детской комнаты, со всеми вещами, накопленными за годы, от первого плюшевого медвежонка до плаката с Гарри Поттером, – его Анита создать не могла. Тем не менее ее старания не прошли даром: Лукас бывал здесь охотно. Да, Анита и Адриан уладили свой развод достойно, не придерешься.

Анита поглядела в окно: Лукас должен был прийти из школы уже минут пятнадцать назад. Поправила подушки на кровати, опять посмотрела в окно и на часы. Она всегда с нетерпением ждала сына и радовалась и ему самому, и тому, что с сыном на несколько дней она опять ощущала себя как в прежней жизни – семейной женщиной, а в жизни семейной женщины она разбиралась лучше, чем в своей новой холостяцкой.

Наконец Анита открыла дверь сыну. У Лукаса была новая прическа: выбритые виски и длинные вихры на макушке, разделенные косым пробором. У того паренька в разбитой машине минувшей ночью такая же. Первый раз стрижку для сына выбрала не мать, это его первая самостоятельная стрижка. Анита прижала сына к себе изо всех сил.

– Привет, мама, – задушенно прохрипел Лукас.

Анита отступила на шаг.

– Классная прическа.

– Сверху должно быть подлиннее. Вот так должно лежать.

Лукас поставил рюкзак на пол в коридоре и провел рукой по волосам. Опустился на колени, чтобы снять обувь. На новых кроссовках обнаружил маленькое

пятнышко, стал оттирать.

– Кроссовки тоже новые, да?

– В субботу купили. Я хотел обязательно белые с оранжевой стрелкой. Долго же мы с Хайди искали!

– Пойдем и мы как-нибудь вместе за покупками, – предложила Анита.

– Ну, ясное дело, – согласился Лукас, – я думал, ты не любишь ходить по магазинам.

– Ну, как это не люблю. Люблю. С чего ты взял? Просто времени мало. Но я теперь два дня свободна.

– Как прошла ночная смена?

– Дико. Выкраивали одного юного гонщика из «БМВ», впечатался в опору метромоста на Силезских воротах.

– Выкраивали?

– Машину пришлось резать.

– Круто!

Лукас последовал за матерью на кухню. Сел за стол напротив нее, мать подтолкнула к нему бутылку яблочной газировки. Сын улыбнулся.

– Сначала вырезали дверь со стороны пассажирского сиденья, потом хотели срезать крышу, чтобы осторожно вытащить пострадавшего, но тут у него обнаружилось сильное интраабдоминальное кровотечение! Тогда мы его просто вытащили из салона через пассажирское кресло и помчались как сумасшедшие в клинику «Скорой помощи» в Марцане.

Сын все понимает, все медицинские термины, Анита это знала. Он с детства слушал разговоры родителей за столом, и термины вроде «интраабдоминальный» были родными. Лукас всегда обожал эти истории, и мать радовалась всякий раз, когда ее медицинские рассказы вызывали у сына это детское восхищение.

– Ну, мам, не томи, говори уже – спасли парня? Он выжил?

– Да, – отвечала мать и протянула сыну правую ладонь.

Лукас секунду колебался, потом хлопнул своей ладонью по ее, как это делают спортсмены, когда команда забивает гол.

– Гениально!

– Что будем есть? – спросила мать.

Не надо менять обычный ход событий. Пусть все идет как в последние месяцы. Она даст Лукасу свой мобильный, там сохранены телефоны всех лучших служб доставки еды, а номера своих любимых блюд Лукас уже выучил наизусть. Она накроет на стол, а когда придет курьер с заказом, даст сыну свой кошелек, и Лукас пойдет открывать дверь и оплачивать заказ, десять процентов отдаст на чай, с одобрения матери, а мать между тем достанет соевый соус или нож для пиццы, смотря что доставят. После обеда Лукас сядет за пианино, потом включит компьютер, сделает уроки, поболтает в чате с друзьями. Она зайдет к нему в комнату с куском пирога, они поговорят.

Вот пусть так все и будет. По плану.

– Пицца? Вьетнамцы? Стейк?

– Можно мне к Маттеусу? – спросил Лукас.

Анита в растерянности взглянула на мобильный в руке.

– Мы договорились с ним, – продолжал Лукас, – ему купили новый компьютер. Надо установить пару программ.

– Может, поешь сначала?

– Мы донер закажем.

Анита убрала телефон в карман. Конечно, можно, пусть Лукас идет к другу. Анита знает родителей Маттеуса: мать работает в Министерстве финансов, отец – в Министерстве экономического сотрудничества и развития Германии. Скучные люди, но это не причина, чтобы запрещать Лукасу дружить с их сыном.

– Я тогда останусь у Маттеуса на ночь, ладно? Он просил. Кроме того, его мать разбирается в математике, поможет нам подготовиться к контрольной в пятницу.

Анита хотела было напомнить, что и она хороша в математике, но сдержалась и вместо того поинтересовалась:

– А его родители не против?

– Нет, – заверил Лукас таким тоном, чтобы матери вроде как было не обидно, но чтобы и никаких вопросов уже не оставалось.

– Разумеется, оставайся ночевать. Я не против, – отвечала Анита и с чувством разочарования проводила сына до двери.

На лестнице он обернулся, через перила крикнул «спасибо!», улыбнулся, и досада ее улетучилась, как всегда в таких случаях. Улыбка была одной из первых его реакций после появления на свет, и мать первой увидела ее. Этой улыбкой он ей сообщил: «Я твой сын».

Анита постояла в дверях. Шаги Лукаса затихли внизу.

– Веселого вечера! – крикнула Анита вниз как ни в чем не бывало. Да так оно и было.

Анита растерянно и бессмысленно прошлась по квартире, только что убранной вообще-то специально к приходу сына. Что теперь? С тех пор как две ее лучшие

подруги еще со студенческих времен завели частную практику и борются с ожирением и целлюлитом в Гамбурге и Дюссельдорфе, Анита общалась почти только с друзьями Лукаса. И еще с несколькими друзьями семьи. Ей теперь казалось, как будто она ждала свидания, а его отменили. Обычно она так не переживала. И не хотела переживать. Сын, конечно, вырос, в целом она готова была с этим смириться. Но после прошедшей ночи она рассчитывала провести свой выходной по-другому.

Пожалуй, можно снова лечь поспать. В спальне всегда был полумрак: Анита заклеила стекла фольгой. И эта мрачная комната, и два будильника, и самодельные розовые беруши – от всего этого Аните стало тоскливо и потянуло прочь из этой комнаты. Уход Лукаса выбил ее из колеи, как детскую деревянную тележку, которая вхолостую крутит колеса, но не может двинуться с места. Анита достала из ящика ночной тумбочки журнал «Скорая помощь», которым от взгляда сына были прикрыты ее запасы презервативов, и вышла на улицу.

Не было еще и трех часов. Она пошла вниз по улице по направлению к Ландвер-каналу. Перед ней шли двое мужчин в обрезанных черных брюках. Один был одет в застиранную футболку с надписью New Model Army Impurity Tour – 1990, его мелированный серый хвост закрывал первую дату тура. Взгляд Аниты скользнул по его ногам, по коленям. У парня варикоз, совершенно очевидный, вены уже выпирают. Анита обогнала этих двоих и двинулась на север.

На Скалицерштрассе уже привычно тек поток машин. Обломки «БМВ» увезли, об аварии у Силезских ворот уже ничего не напоминало. Анита прошла дальше, сделала крюк, вышла на канал и села в кафе на набережной. Она бывала здесь несколько раз, но название заведения не запомнила. Ну уж если день пошел не по плану, она имеет право что-нибудь выпить. Например, бокал холодного белого вина.

Перед ней возникла официантка с вопросом: «Да?»

– Чашку мятного чая, пожалуйста, – попросила Анита.

Безучастные глаза, бледное напудренное лицо, темно-красные губы, идеально ровная челка – официантка выглядела так строго, что Анита не решилась посреди бела дня заказать бокал вина, хотя официантке, конечно, совершенно безразлично. На плече девушки татуированная роза ветров при каждом

движении сохраняла свою правильную геометрическую форму, даже когда официантка наклонилась над столом, чтобы налить Аните чаю. Чай был подан в стакане для кофе латте-макиато, и Аните пришлось долго ждать, когда горячий стакан можно будет за самый край взять пальцами и отпить первый глоток. Анита обожгла язык, подозвала снова строгую официантку и попросила:

– И еще давайте бокал белого вина.

– Шардоне, вельтлинер, рислинг?

– Да неважно. Что-нибудь.

– Тогда шардоне, – решила официантка и принесла бокал вина.

Анита глотнула как-то сразу много. Уже год она жила одна и в тех небольших вольностях, что она стала себе позволять, иногда самой себе казалась как будто на десять лет младше. Но после этого первого глотка вина среди бела дня ей вдруг показалось, что она, наоборот, на десять лет состарилась. Как женщина средних лет, от которой только что съехали повзрослевшие дети и оставили ее одну с собакой.

Через четверть часа Анита снова позвала официантку, и после второго бокала вина все лишние мысли рассеялись, как растворяется в горячей воде суп из пакетика. Иногда на поверхности еще плавают комочки и пузыри, но в конце концов и они исчезают.

Напротив кафе стоял фургон, на боку был нарисован тюлень. Тюлень, задрав голову, глядел Аните прямо в глаза даже с какой-то издевкой. Очевидно, кто-то в этом доме переезжал на другую квартиру. Конец лета знаменуется не только появлением новой коллекции осенней одежды в магазинах, начинается новый студенческий семестр, и, значит, по соседству с Анитой появляется новая коллекция молодых мужчин. Анита всякий раз наблюдала этот феномен со смешанным чувством радости и меланхолии, и в последние годы меланхолия стала преобладать.

Анита открыла журнал, пробежала глазами содержание и перешла к викторине: к какой ЭКГ относится какой диагноз. Она ушла с головой в отделы сердца, тонкости сердцебиения, стенокардию, тахикардию, брадикардию, пролапс

митрального клапана, волны, ритм, мерцание.

– Привет, мы ведь знакомы, – произнес у нее за спиной мужской голос.

Анита отложила загадки кардиограммы. Голос этот она, кажется, уже слышала. Не слишком высокий и не особенно низкий, чем-то он ей запомнился, должно быть, тем, как он когда-то тогда прозвучал: по-юношески звонко и остро. Анита обернулась.

– Привет, Рио. Какой сюрприз.

– Да, надо же, как совпало. Как ты поживаешь?

– Отлично, – отвечала Анита, – сто лет не виделись.

– Правда. Прошлым летом, кажется, нет? На вечеринке. Вспомнить бы еще на какой.

– В мае, что ли, это было? Или в июне? – предположила Анита, разглядывая собеседника.

Крепкий подбородок, крупный, но пропорциональный нос, коротко выбритые виски и более длинные вьющиеся волосы на макушке, которые смотрятся на голове, как взбитая пивная пена.

– Вспомнится еще, – заговорила Анита, – точно вспомнится.

Рио улыбнулся, она заметила первые мелкие морщинки вокруг глаз. Эти глаза. Голубые. На радужной оболочке левого глаза Анита разглядела коричневое вкрапление. Цветовая аномалия.

– Вспомнила! Это было в июне, на дне рождения у Маика!

– Точно, конечно! Ты же его коллега.

– А ты его друг.

– Теперь да, – Рио достал пачку табаку, – честно говоря, тогда меня Тео привел. Он-то как раз давно дружит с Маиком.

– Больше не дружит, – сообщила Анита.

– Ах да, я и забыл. Жаль.

Рио скрутил сигаретку.

– Мне тоже жаль, – призналась Анита.

– Ты была тогда на вечеринке с сыном. Лукас, кажется, да? И с мужем.

– Теперь уже и муж больше не муж.

– Ой, извини...

– Ничего. Бывает...

Последовала короткая пауза.

– Ты ждешь кого-нибудь? – прервал молчание Рио.

– Почему ты решил?

– У тебя чай на столе стоит, я подумал...

Рио кивнул на остывший уже ярко-зеленый чай с мятными листьями.

– Ах это! Ошибка.

– Ты пьешь вино?

– Разве нельзя? Можно же? Выпить вина после обеда?

– Конечно, разумеется. Вино после обеда – самое оно.

– Тогда составь мне компанию, – предложила Анита, – если хочешь, конечно.

– С радостью. Только один короткий звонок. Клиента успокою.

Рио взял телефон и стал набирать номер. Анита пыталась вычислить его возраст. Рыжеватая борода со светлыми пятнами, не то седина, не то просто светлые волосы. У бородатых мужчин возраст трудно определить: не то под тридцать, не то за сорок.

– Алло. Я только хотел сказать, что я вам завтра смогу прислать предложение. Извините, непредвиденные обстоятельства. Срочно надо сдать один проект.

Продолжая разговаривать, Рио выложил на стол самокрутку и зажигалку I love Berlin. Анита никогда еще не видела таких виртуозно скрученных сигарет.

– Ну, в течение дня, – отвечал Рио в трубку, катая по столу самокрутку и зажигалку. – Точнее сказать не могу, сделаю все, что в моих силах, хорошо? Давайте попозже еще раз подробно обсудим.

Рио взял сигарету губами, отчего последняя фраза – «Но большое спасибо за ваше терпение. Всего доброго» – прозвучала жевано.

Рио отложил телефон, тут же взял со стола зажигалку, зажег сигарету и опять обратился к Аните:

– Итак. Выходной.

– Итак, я пью шардоне.

– Хорошее?

– Да. Это же шардоне. Холодное. Ну, не знаю, я в винах не разбираюсь.

– И я не разбираюсь.

– Честно говоря, мне знатоки вин всегда кажутся подозрительными, – призналась Анита.

Рио снова улыбнулся.

– Я бы выпил джина с тоником. А поесть тут дают?

– Да, вроде. Вот меню. Вот, есть еда, супы.

– Хм, супы. Жарковато для супа, как думаешь? Хотя тут вот и холодные супы есть. Тогда вот – огуречный суп или что-нибудь в этом роде.

Анита понемногу успокоилась. Рио был ей созвучен и понятен. Она отвыкла общаться с незнакомыми мужчинами. Когда-то у нее это здорово получалось, но в последние годы она в удобный момент всегда вворачивала фразу про мужа и сына, давая понять собеседнику, что никакого эротического или вообще романтического интереса у нее нет и быть не может. А вот теперь придется вести себя совершенно наоборот.

– Собиралась провести день с сыном, но не судьба.

– Сколько лет твоему сыну?

– А что? У тебя тоже есть сын?

– Нет. Я так спросил. Неважно.

– Это не секрет. Четырнадцать. Он у меня сегодня не ночует.

– О'кей, – отозвался Рио.

Разговор перешел в нужное русло? Видимо, да. Ну что же, ей это было даже приятно. Судя по всему, перед ней человек, который пусть еще и не понял, как ему к ней относиться, зато точно не имеет ничего против нее.

– Вот я и подумала, не пойти ли мне после обеда в кафе?

– Прикольно, – отвечал Рио, – я тоже уже сто лет вот так запросто не сидел днем в кафе.

– Ты уладил с клиентом?

– Вроде правдоподобно наврал, как считаешь? Наверное, зря обманул.

– У тебя талант уговаривать. Я, правда, не прислушивалась. Не мое дело.

– У нас есть один очень нетерпеливый клиент. Бизнес-консалтинг, – пояснил Рио.

– Ты же строил корабли? Разве нет?

– И сейчас строю. Парусники. Иногда хожу под парусом. В компании. Устраиваем разным фирмам выезд на парусном судне. Свежий воздух на воде на пару дней идет на пользу делу. Улучшает климат на предприятии. Я у них шкипер.

– То есть управляешь лодкой, а на борту работает корпоративный психолог? Коуч?

– Ну, не совсем так в лоб. Это фокус. Сам по себе парусный спорт – коучинг. И лодка. Все держатся вместе, поддерживают друг друга. Это лучший тренинг. – Рио затянулся сигаретой. – А ты ведь врач, да?

– Да.

Оба снова помолчали. Анита заговорила первой:

– Какие ты еще лодки строишь?

– Деревянные.

– А весельные?

– Нет, только парусники. И только из дерева, – объявил Рио таким тоном, как будто собирался рассказать об этом еще о-го-го сколько всего, но не здесь и не

сейчас. – А ты в какой области доктор?

– На «Скорой помощи».

– Работа не соскучишься.

– Иногда приходится и поскучать.

Прилетел воробей и уселся к ним на стол. Анита согнала его, но он вернулся, спланировал на чашку чая с мятой, стащил с блюда печенье размером почти с него самого и был таков.

– Респект, – засмеялся Рио, а Анита улыбнулась.

О том, чтобы заказать суп, уже никто и не вспомнил. А Анита подумала, что все-таки не зря она навела дома порядок.

Персеиды

Анита Корнелиус проснулась от какого-то скрежета, который перешел в вой и показался ей спросонья совершенно inferнальным. Она провела рукой по простыне и села в кровати. Через открытую дверь спальни в комнату падал свет. Снаружи так ярко горел свет, что Анита четко разглядела плакат на стене: человек с раскинутыми руками, вид спереди, вид сзади, с точной схемой всей его нервной системы. Анатомическое пособие, купила несколько лет назад на блошином рынке. Значит, она дома. Уже хорошо. А на кухне Рио звенит посудой, кофе варит в кофеварке. Это она и воет. На часах без малого семь утра. Но сегодня у нее все равно еще выходной. Точно, да. Зато вот Рио, очевидно, надо на работу. Он торопится, хотя еще не опаздывает. Четко, быстро, привычными движениями собирается на службу. Только в ее кухне. Металлически звякнул тостер. Запахло готовым завтраком. Анита нашла майку, надела ее. За кофе спасибо, но готовить ей завтрак на ее кухне – это уж чересчур по-рыцарски.

Может быть, Рио не привыкать хозяйничать в чужой кухне, может, он каждую неделю какой-нибудь одинокой женщине готовит завтрак. А у всех одиноких

женщин кухни одинаковые, что от Stilwerk, что от Habitat, этот якобы индивидуальный заказ у всех ровесниц Аниты совершенно один и тот же. Вот ведь оказывается, и Анита теперь принадлежит к определенной группе, к когорте женщин, которым приходится начинать жизнь заново. И ничем она не особенная, не свободнее других, она – одна из многих и относится к этому удивительно нормально.

Она покрутила головой вправо, влево, наклонила голову вперед, назад. Не болит. После второго бокала вина вчера она пила только воду. Опьянеть не успела, а жаль. Тогда на легкое винное опьянение можно было бы свалить все, что произошло потом. Она помнила все: слова, руки, губы, – и все равно вчерашний вечер был как будто в тумане.

Она закрыла глаза и про себя перечислила на латыни все двенадцать нервов головного мозга. В непростые минуты она всегда с удовольствием, как заученные наизусть молитвы или стихи, вспоминала, чему ее учили на медицинском факультете, о годах, проведенных в сосредоточенной работе в тишине библиотеки, о годах покоя и предсказуемости. Nervus olfactorius, Nervus opticus, Nervus oculomotorius, Nervus trochlearis, Nervus trigeminus, Nervus abducens, Nervus facialis, Nervus vestibulocochlearis, Nervus glossopharyngeus, Nervus vagus, Nervus accessorius, Nervus hypoglossus.

Рио с двумя чашками вышел из кухни.

– Осторожно, горячо. – Он протянул ей кофе.

Именно, подумала Анита, осторожно, жирный восклицательный знак. Вообще-то это она должна бы теперь готовить завтрак. Для своего сына. Но сын теперь уплетает с другом Маттеусом донеры, а его матери варит кофе некто третий. Другая бы радовалась, но Анита с некоторых пор не любила сюрпризы. Хоть что-нибудь может происходить по ее плану?

У кофе был привкус бетона. Когда она расставалась с Адрианом, представляла себе все по-другому. Планировала пожить одна и научиться одиночеству. На несколько лет вперед была запланирована размеренная спокойная упорядоченная жизнь, пешие прогулки, вечера с книгой и чашкой чая, наблюдения за сменой времен года в ботаническом саду.

- Ничего, если я кое-что скажу? – поинтересовалась Анита.
- Само собой.
- Я считаю, что одна ночь вместе – в самый раз.
- Согласен.
- Я теперь одна, пользуюсь полной свободой, о'кей? У меня нет проблем с сексом на одну ночь, хотя я мать подростка.
- Моя мама тоже так говорила, – ответил Рио.
- Что ты хочешь сказать?
- Да ничего. Ну не то чтобы... Все в полном порядке. Вот это и хотел сказать.
- Я имею в виду, что нам даже не обязательно обмениваться телефонами, – пояснила Анита.
- Еще вчера обменялись.
- Но мы не обязаны... Ну, ты понимаешь...
- Понимаю. Не обязаны. О'кей?

Анита ушла в ванную. Когда вышла, через открытую дверь гостиной снова увидела диваны, кресла и картины, прислоненные к стене. Наверняка и Рио заметил. Вероятно, ее квартира производит впечатление, будто Анита – беспомощный человек, не приспособленный к жизни. И Анита вдруг почувствовала себя чужой в своей квартире, пока здесь находился и хозяйничал, как у себя дома, Рио. Она прокралась по комнатам, осторожно и неуверенно, как тот, кто торопится скорее уйти после неудачного свидания. Но куда же ей идти, она же здесь живет. Живет одна, и пусть так оно и остается! Но тут сидит этот мужчина, пьет кофе прямо посреди ее личного пространства. Она оделась, помыла руки и крикнула Рио:

– Тебе на работу?

– Вообще-то нет, – был ответ.

– Зачем ты тогда встал в такую рань?

– Не знаю. Настроение хорошее. Так ведь бывает?

Что теперь надо сделать или сказать? Зазвонил телефон. Звонила коллега, которая только что заступила на смену. Звонили из школы, дочка заболела и...

– Подменить тебя? – перебила Анита, вскакивая.

Она одним глотком выпила кофе, попросила Рио пропустить ее первой в душ.

Помылась с рекордной скоростью, еще влажные волосы перехватила резинкой в хвост, надела джинсы, лифчик и футболку, больше ничего и не надо – жара. Настроение вдруг улучшилось. День будет предсказуем: все однозначно, понятно и неизбежно.

– Спасибо за прекрасный вечер, – сказала она Рио на прощание. Ничего лучше ей в голову не приходило.

– Да не за что, это тебе спасибо, – ответил Рио и прибавил: – Ничего не планируем?

– Не планируем. Ты не думай, что я сбегая, мне просто надо быстро на работу.

– Без проблем. Мне тоже уйти?

– Не торопись. Просто захлопни дверь за собой.

Она пошла пешком в клинику, тут близко, зашла по пути в булочную, она всегда сюда заходила, когда шла на раннюю смену. Продавщица выложила на витрину свежие булочки. Ну, слава богу, день начинается как обычно. В последнее время именно работа на «Скорой» стала самым предсказуемым и вменяемым явлением

в ее жизни. Здесь что бы ни случилось, на все есть свои алгоритмы, правила, предписания, определенная последовательность действий, заранее просчитанная и известная. Один вызов за другим, отвез пациента в приемный покой, сдал специалистам на руки, все, свободен.

А вот и клиника «Урбан», ярко освещенная солнцем. Первые пациенты курили у главного входа под табличкой «Курить запрещено». Один в спортивном костюме, другой – в халате, купленном явно не для того, чтобы носить его на публике. Еще один таскал за собой стойку с капельницей, на этикетке значилось «Гепа-Мерц», пациент был желтый, печень не в порядке.

Анита прошла к подстанции «Скорой помощи». Пропустила вперед двух фельдшеров, которые выгружали из машины женщину с всклокоченными седыми волосами. Вслед за ними вошла в помещение подстанции, у двери ввела четырехзначный код 1516, годами не менявшийся. Анита использовала его даже для разблокировки своего мобильного телефона. 1516 – год, когда в Германии был введен закон о составе пива.

Со вздохом облегчения Анита повесила свои вещи в шкафчик, надела белый халат и оранжевые брюки, ощутила прикосновение липкой синтетики на коже. Проверила куртку: надпись «Врач «Скорой помощи» в полном порядке. И вошла в ординаторскую со старыми кремовыми диванами, с зеленым, как трава, столиком между ними, на котором всегда стоит тарелка с какой-нибудь выпечкой или печеньем. Судя по запаху, администрация клиники снабжала этими кексами централизованно все отделения, вместе с медикаментами, мылом для рук, перевязочными материалами. Анита бросила на стол пакет с булочками и услышала голос Маика:

– Ага, и ты здесь?

– Да. Моринген отпросилась, я подменяю. Вот успела по дороге булочек купить. Это святое.

– Молодец! У меня как раз вот, – Маик держал в руке банку с медом, – дедушка прислал.

– Здорово! Люблю мед! – отозвалась Анита, стараясь скрыть излишний энтузиазм, в конце концов, для Маика сегодня обычный рабочий день.

– Доктор Моринген выдернула тебя из кровати? – поинтересовался Маик, разрезая булочку.

– Нет, я к тому времени уже встала.

– Ты разлюбила спать по утрам?

– Люблю по-прежнему.

– Ах да, у тебя же сын гостит. Совсем забыл.

– Вчерашний день был полон сюрпризов.

– Что случилось?

– Ничего, он ночевал у друга. Вот и все.

Маик приподнял правую бровь. И не пару миллиметров, а гораздо выше. Посторонний бы не придал значения, но Анита-то знала: Маик так поднимает бровь, когда уверен, что от него скрывают всю правду.

– Дай слово, что никому не расскажешь? – потребовала Анита.

– Даю.

– Лукас действительно ночевал у друга. А у меня ночевал кое-кто другой.

Маик перестал жевать, выпрямился и театрально распахнул глаза.

– Чему ты так удивляешься? – спросила Анита.

– Еще как удивляюсь!

– Ну, встретила старого знакомого. Пригласила домой. Что такого-то?

- Не ожидал от тебя такого, фрау доктор!
- Другие делают это постоянно. Вот ты, например.
- Именно! От меня-то чего и ждать. Но ты-то, ты всегда такая была...
- Наседка?
- Я не это хотел сказать.
- Гляди, Адриану не проболтайся.
- Мистер Экс, значит, об этом знать не должен? А почему? Вы расстались год назад, - напомнил Маик, - имеешь право.
- Не о том речь. Я вообще не хочу, чтобы обсуждали мою личную жизнь.
- Тоже мне личная жизнь. Так, секс случайный.
- Ну, не знаю, может быть, у мужчин все по-своему.
- У каких мужчин? У тех, которые гомо или которые гетеро? Не покатит. Ты так говоришь, как будто в XXI веке в мегаполисе только гомосексуалы просто занимаются сексом и расходятся.
- Ну, хорошо. Но я не желаю, чтобы половина больницы знала, как тогда про тебя, когда ты со Шмитти... Или с Тео...
- Ладно, понял, - заверил Маик, откусывая большой кусок булки.

Он и вправду был единственным коллегой Аниты, который не считал нужным скрывать свою сексуальную жизнь. Анита знала его много лет, с тех пор, как приехала в Берлин. Без малого десять лет назад Адриан и Анита переехали в Берлин из Любека, тогда еще оба молодые ассистенты. Анита тогда стала подрабатывать в медицине катастроф и в первую же свою смену познакомилась с Маиком. Маик перебрался в Берлин из Нойштрелица задолго до этого. Ему

было всего двадцать четыре года, но он уже и в Берлине, и в работе «Скорой помощи» разбирался много лучше Аниты, так что она научилась у него многому в профессии и с интересом наблюдала, как он держал себя в своей личной жизни.

Как и все пожарные, Маик учился на санитаря службы спасения. Пожарные редко любили этот курс, но Маик его с самого начала обожал. Ни пожарная дружба на вахте, ни ритуал совместной стряпни не привлекали его так, как дежурство на «Скорой помощи». Не каждый фельдшер так предан своему делу. Этот энтузиазм и сблизил Аниту и Маика. Аните нравился его открытый, искренний нрав, его темперамент. С таким человеком, как Маик, можно было с одинаковым успехом и тушить пожар, и веселиться на празднике, не опасаясь, что он будет молча стоять в стороне, а Адриан именно так вел себя на многих вечеринках. И после развода дружба Маика стала для Аниты особенно ценна. Тем не менее она не решалась рассказать о Рио, которого Маик немного знал. Надо подождать, как дальше дело пойдет.

– Ну, чего ты так ухмыляешься? – возмутилась Анита.

– И не думал даже. Ты решила провести с кем-то ночь, ну и порядок.

– Маик, я серьезно!

– Что серьезно? У вас с ним серьезно?

– Не то. Скажи, я покраснела?

– Фрау доктор, да ты что?

Анита, не переставая жевать, подошла к зеркалу.

– Врун!

Анита включила телевизор, и они продолжали завтракать молча, пока у Аниты не запищал пейджер. Запищал, завибрировал и, поскольку лежал на самом краю стола, свалился на пол, но Маик в последний момент его подхватил. Они откусили еще по знатному куску от своих булок и отправились спасать пациента

с затрудненным дыханием в садовое товарищество «Согласие», участок 127.

– Садовая избушка. Не к добру, – заметил Маик, пока Анита пристегивалась на пассажирском сиденье.

Маик не доверял вызовам в садовые товарищества. Анита поначалу думала, что такой вызов означает примерно следующее: чистенькому аккуратному пенсионеру во время вечернего гриля стало нехорошо от не вполне свежего картофельного салата, и «Скорую помощь» он уже встречает с упакованной зубной щеткой и подготовленной карточкой медицинского страхования. Однако опыт показал, что пенсионер в случае недомогания из своего садика за городом обязательно доберется до дома в городе. Но есть еще и такие люди, у которых нет другого дома, кроме как эта лачуга на участке. Странные это люди, или, как выражается Маик, специальные.

Ехали в направлении Мерингдамм. На светофоре загорелся красный. Маик включил сирену перед перекрестком, притормозил, пропуская испуганных пешеходов, метавшихся на переходе. Какой-то папаша подхватил сына на руки и пальцем стал показывать на машину «Скорой». Все прочие зажали уши. Из кареты «Скорой помощи» кажется, что половина Берлина состоит из людей, заткнувших уши.

Маик сосредоточенно рулил в сторону Зюдкройц, Анита проигрывала в голове разные сценарии. Брать ли с собой из машины мобильный набор для трахеотомии? Нет, лучше не брать. Пострадавший, как выяснилось, страдает хронической обструктивной болезнью легких, трахеотомия тут ни при чем. Доклиническую трахеотомию вообще почти не делают. Только одному из коллег довелось однажды воспользоваться набором для трахеотомии. Анита сама только пару раз тренировалась на манекенах.

Проехали мимо ухоженной внешней ограды садоводства «Согласие». Кто-нибудь должен же выйти их встретить? Никого. С противоположной стороны подъехал автомобиль спасателей с сиреной. Обе машины остановились у въезда. Хорошо хоть стенд есть со схемой товарищества. Обе бригады вышли из машин и встали перед планом участков. Один из ассистентов ткнул пальцем в квадрат:

– Здесь!

– На противоположном конце, – объявил Маик без тени нервозности.

Анита ценила, что он никогда не ворчал, даже когда приходилось долго идти пешком и тащить на себе в тридцатиградусную жару рюкзак с необходимым оборудованием и медикаментами.

Соседи отрывались от садовой работы и с нескрываемым удивлением провожали врачей взглядом. Прошли участки 116, 117, потом почему-то 141. В боковой улице за участком 138 сразу следовал 142-й. Повернули обратно. Анита старалась не думать, как смешно выглядят две бригады «Скорой помощи» в оранжевой форме и с тяжелым оборудованием за плечами, мечущиеся по садоводству по жаре сначала туда, потом обратно. Один из помощников окликнул пожилого господина, который в шортах и расстегнутой рубашке копошился на грядке с помидорами.

– Добрый день. Не подскажете ли...

– Если вы к герру Шмидту, то вам на участок 127, вон там направо и сразу налево.

На участке 127 давно уже никакой аккуратный пенсионер не орудовал садовыми ножницами. Когда-то и здесь цвел сад и колосились грядки, но с тех пор прошли годы. Плитка на дорожке заросла мхом, у мусорного ведра стояли винные коробки. Анита открыла дверь, и в ноздри ударил густой табачный перегар, от которого, очевидно, и пожелтели обои в прихожей. На шаткой вешалке висели лососево-розовая с серым куртка и зеленая парка. Под вешалкой стояла пара стоптанных кроссовок на липучках.

Рядом – бежевый кислородный аппарат OxyCare PerfectO2, который с резким хрипением извлекал из окружающей среды кислород и перегонял его в шланг. Анита проследовала вдоль шланга. Он вывел ее через маленький коридор мимо боковой спальни в главную комнату избушки. Следуя этим недлинным путем, Анита уже составила довольно четкое представление о том, что ее ожидает: тощенький старичок на диване, огромная пепельница с окурками, блок дешевых сигарет. Сейчас жара, он, должно быть, в шортах, бледные ноги торчат из штанов. Он увидит Маика и скажет:

– Ах, доктор.

Так оно и было. Он сидел перед телевизором, шло какое-то дневное ток-шоу. Какое именно, Аниту совсем не интересовало. Телевизор работал тихо, значит, у пациента нет проблем со слухом.

Шланг оканчивался кислородной маской на носу герра Шмидта. Губы у него были сложены так, как будто он собирался свистнуть, на самом деле он так выдыхал. Аните хватило одного взгляда на него: этот человек много лет живет задыхаясь. У него в глазах – ужас, паника. Такими глазами смотрят на врача астматики или пациенты, которым внезапно не хватает воздуха. В этих глазах – отчаяние. Этот пациент – профессионал, и румянец у него на щеках – это цвет болезни, а не здоровья.

Маик поставил на пол рюкзак спасателя и первым делом открыл окно, так они поступали всегда в случаях затрудненного дыхания или удушья у пациентов. Потом выключил телевизор. Стало тихо. И в очередной раз в своей жизни Анита видела незнакомого человека, о котором рассказывало не только его тело и его болезни, но и все его жилье, вся его приватная сфера, рассказывала откровенно до интимности, к которой Анита за столько лет уже привыкла и перестала даже ее замечать.

Герр Шмидт резко втянул воздух в легкие, кислородные очки у него на носу подпрыгнули.

– Я врач «Скорой помощи». Анита Корнелиус.

– Ах, фрау доктор.

– Вы герр Шмидт?

– Да.

– Вы нас вызывали?

– Да, извините. Сейчас мне уже лучше.

– Вы дышите с трудом. Давно это у вас?

– Три года.

– А до тех пор дышали нормально?

– У меня хро...

Дальше ему не хватало воздуха.

– У вас хроническая обструктивная болезнь легких? – договорила Анита. –
Эмфизема? Легкие курильщика?

Он кивнул, снова сложил губы трубочкой и стал выдыхать маленькими порциями, очень тяжело. Проблема хронического обструктивного заболевания легких: вдохнуть уже тяжело, а выдохнуть – отдельная проблема, воздух не желает выходить из раздувшегося легкого. Пациент с таким диагнозом каждый раз выдыхает чуть меньше, чем вдохнул, так что в легкие поступает все меньше свежего воздуха. Болезнь постоянного переизбытка воздуха в легких. Анита взглянула на пачку сигарет с надписью «Курение старит вашу кожу».

Пепельница была оловянная, огромная и полная до краев. Если выбросить наконец ее содержимое, на дне окажется, скорее всего, старинная крепость или средневековый центр какого-нибудь Гейдельберга. Журнальный столик, на котором царствовала пепельница, в середине был выложен кафелем и поднимался, если нажать на рычаг сбоку.

Рядом с пепельницей стоял флакон клея для моделирования и половинка Тауэрского моста. Кругом на всех предметах мебели были расставлены склеенные модели: Бранденбургские ворота, Вартбург, Эйфелева башня. Только на приоконном столике не было никакой модели, там лежали пачки с лекарствами и стояли семейные фотографии, каждой лет по двадцать, не меньше.

Датчик показал недостаточное насыщение крови кислородом, но для этой болезни это почти норма. Анита опустилась на колени рядом с больным:

– Герр Шмидт, я осмотрю ваши ноги.

И она стала ощупывать худые ноги больного, и вправду торчащие из коротких штанов. Когда пациент легко одет, осматривать его легче. Ноги были одинаковой толщины, вернее, одинаково тощие. Анита обнаружила две маленькие ранки – начало периферического артериального тромбоза, или эмболии, – в остальном кожа была относительно здоровой. Анита оттянула кожу между пальцами на ноге, образовалась складка, которая долго не разглаживалась. Все ясно: больному не хватает не только кислорода, у него обезвоживание.

Она приложила стетоскоп к груди пациента. Хрипы и шумы, похожие на шум моря. С таким звуком Лукас в детстве надувными нарукавниками скреб о борт резиновой лодки. Выдыхает так долго, что у Аниты у самой перехватило дыхание. И с таким шумом, как будто воздух – тяжкий груз и герр Шмидт принужден тащить его по земле. Совершенно хрестоматийные явные симптомы, как в учебнике. Сюда бы студента, ему бы сказать: «Слышите характерные экспираторные хрипы на выдохе?»

– Сколько сигарет вы выкуриваете за день?

Анита привыкла задавать подобные вопросы и получать честные ответы.

– Только одну.

– Сигарету?

– Пачку.

– После того, как вы нас вызвали, вы курили?

– Ах, фрау доктор...

О вреде курения говорить бессмысленно. Герру Шмидту об этом прекрасно известно.

– Я знаю, мне нельзя курить. Но бросить не могу.

– Наши коллеги часто к вам приезжают?

– Раньше редко. Но за это лето уже дважды. Я каждый раз боюсь, что мне конец. Но проходит. И скоро снова можно жить.

– Вас отвозили в больницу?

– Нет, – встревожился больной, – не надо мне в больницу.

Анита послушала его сердце. Герр Шмидт умолк, пока она слушала, потом снова заговорил:

– Хистерс[7 - Йоханнес Хистерс (1903–2011) – немецкий актер нидерландского происхождения.] тоже курил. До ста с лишним лет курил.

Анита не стала спорить. У каждого свой пример для подражания и свои оправдания.

Маик тем временем нашел список лекарств герра Шмидта.

– Вы принимаете тиотропия бромид, правильно?

– Да, фрау доктор. И сегодня уже принял.

Анита подумала, что мало чем может помочь этому пациенту, по крайней мере, как врач. Таблетки он принимает, кислород в кровь поступает удовлетворительно, сердце бьется. Герр Шмидт был в порядке, насколько может быть в порядке пациент с его диагнозом, пациент, который толком не моется, мало пьет и плохо ест.

Анита заглянула в крошечную кухню, примыкавшую к гостиной. На столе стояла открытая банка с равиоли, из банки торчала ложка.

Если бы речь шла о чисто вымытом пациенте в чистой постели, с которым жена регулярно проводит дыхательную гимнастику, Анита оставила бы герра Шмидта дома, все равно коллеги в клинике мало что могут для него сделать. Но с точки зрения социальной помощи – очень даже могут. Для человека, который в целом пребывает в таком жалком состоянии, великой помощью были бы даже два дня в

больнице среди заботливого персонала. Ему сделают внутривенные вливания от обезвоживания, залечат раны на ногах, будут регулярно кормить и так же регулярно мыть. Такой уход, конечно, слишком мимолетен, и получить его можно только в отделении интенсивной терапии, но состояние герра Шмидта как раз подходит для отделения интенсивной терапии. Его бы приняли без колебаний. Вот ведь дилемма: ему необходима помощь, но его нельзя назвать тяжелобольным. Анита уже видела перед собой чиновницу из кассы медицинского страхования. Дама отставит в сторону чашу с кофе, не примет счет от клиники к оплате и потребует у лечащего врача обоснования и объяснений, что такого особенного вдруг стряслось с хронически больным герром Шмидтом, что его необходимо было помещать в стационар.

С такими пациентами всегда тяжело, и с годами все тяжелее. Но Анита была бы не Анита, если бы не пошла до конца: она диагностирует обострение и уговорит сделать то же своего бывшего мужа, который на этой неделе как раз дежурит в интенсивной. Самое трудное – уговорить герра Шмидта.

– Герр Шмидт, мы отвезем вас в больницу, там удостоверятся, что приступ удушья не повторится.

– В больницу? – изумился больной. – Но мне намного лучше.

– Одно другому не мешает.

– Я хочу остаться дома.

– В больнице выспитесь, отдохнете, – уговаривала Анита, как будто перед ней был надорвавшийся на работе менеджер, – коллеги смогут вам помочь.

– Никто мне не поможет.

– О вас позаботятся, через пару дней будете как новенький. Сами увидите.

– Нет. – И он потянулся за сигаретой.

– В больнице курить нельзя. Невыкуренные сигареты вы потом сосчитаете и докурите после выписки, – наступала Анита.

Молчание. Оба ассистента «Скорой помощи» уже поняли, в чем дело. Они переминались с ноги на ногу с выражением: «Уговаривай быстрее, а! Или брось его совсем».

– Вам виднее, фрау доктор, – произнес больной.

– Подготовьте герра Шмидта к перевозке, – скомандовала Анита.

Один из спасателей вышел, чтобы поближе подогнать машину. Маик собирал сумку для пациента, искал паспорт и карточку медицинского страхования. Анита заполняла протокол: показатели уровня кислорода и прочие показатели она написала хуже, чем были на самом деле, так что герр Шмидт с каждой строчкой становился болен все тяжелее.

Через открытое окно слышался далекий шум вокзала Зюдкройц и пение птиц, идиллия, да и только. На ее фоне даже хрипение герра Шмидта казалось почти гармоничным звуком.

Анита села в машину к спасателям, и пациента повезли в клинику «Урбан». Маик ехал следом на их автомобиле, в котором для пациента места не было. Анита позвонила бывшему мужу. После двух гудков в трубке услышала голос, который за много лет стал родным, но теперь с каждой неделей становился все более чужим.

– Паульсен.

Анита мгновение колебалась. Почему он представляется по фамилии? Он же видит, что это она звонит.

– Адриан, это я.

– Да. Привет.

– Есть одна минута? Я по работе. У вас в интенсивной есть свободное место?

– Целых три.

– Хорошо. Тогда сейчас привезем вам ГОМЕРа.

– Сюда?

– Ну да. Звоню тебя предупредить.

– А в другое место нельзя? Работы невпроворот.

– Его надо срочно.

– А почему ты вообще сегодня работаешь?

– У Моринген ребенок заболел, я заменяю.

– А где Лукас?

– Ночевал у Маттеуса. Хайди не говорила?

Анита покосилась на герра Шмидта, он, очевидно, не слушал.

– А, ну да. Забыл. Ладно, везите сюда. Разберемся.

– До скорого.

Анита не ожидала, что Адриан будет колебаться. Годами само собой разумелось: есть ГОМЕР, и это их общее дело. Анита радовалась всякий раз, когда они вместе снова играли в эту игру.

Когда-то она впервые услышала это название. В первый год после университета, еще в Любеке, Адриан как-то вернулся с работы в университетской клинике и рассказывал, как его коллеги в больнице называют хронических больных, да и любых пациентов, с которыми одна возня, а толку никакого: GOMER, это значит Get-Out-Of-My Emergency-Room[8 - Пошел вон из моего приемного покоя (англ.)].

Адриан тогда так веселился, так смеялся и был счастлив и увлечен, как мальчик. Ей тогда тоже стало весело. Так они и сидели вдвоем на кухне общежития с

бутылкой пива в руке и хохотали над этим словом до слез, в эйфории от того, что теперь выражаются как настоящие врачи.

Немного позже Анита прочла книгу, из которой пошло это выражение, – «Божий дом»[9 - «Божий дом» (1978) – автобиографический роман американского психиатра Сэмуэля Шэма (р. 1944).] – переживания одного молодого врача в американской клинике. Аниту тогда разозлил циничный тон книги, и с тех пор она сочувствовала таким ГОМЕРа́м. Адриан, очевидно, также испытывал к ним чувство сострадания. И с тех пор как они с Анитой были приняты интерном и анестезиологом в интенсивную терапию клиники «Урбан», то и дело опекали какого-нибудь ГОМЕРа, о котором в обычной палате не позаботились бы должным образом. Это стало для них своего рода хобби, так иные супружеские пары разводят розы или мастерят и развешивают скворечники – общая романтическая забота.

Герр Шмидт сидел в перевозочном кресле, поправлял время от времени на носу кислородные очки и молчал. В туннеле под Тиргартеном Анита одернула края служебной куртки, чтобы та немного женственнее сидела на талии, большей элегантности от этой униформы ждать не приходится. Когда герр Шмидт прикрыл глаза, она быстро достала пудреницу, помаду и тушь. Она всегда их носила во внутреннем кармане, хотя и не помнила уже, когда пользовалась ими в последний раз, но ей было как-то спокойнее, если это дамское хозяйство сопровождало ее на очередной вызов. Накрасить губы она так и не решилась, в машине слишком трясло. Вместо этого она поправила темно-пшеничные волосы, сфотографировала саму себя на мобильный и посмотрела снимок. Волосы лежали удивительно красиво, хотя утром она вылетела сразу после душа, почти не причесываясь.

Один из ассистентов постучал в стекло между кабиной и салоном:

– Приехали!

И Анита почувствовала толчок: машина подъехала к приемному покою.

Ассистент на пассажирском сиденье вышел. Герр Шмидт посмотрел на Аниту. Он надел сверху еще жилетку, видимо, так ему казалось, что он лучше одет. Она положила ему руку на колено:

– Я знаю здесь доктора Паульсена, он очень... он о вас позаботится.

Она отстегнула ремень безопасности и улыбнулась, на случай если Адриан выйдет навстречу. Но у входа были только рабочие – ставили новый забор. В клинике «Урбан» все время что-то строят, ремонтируют одно отделение за другим, вот и сюда добрались.

Вот они уже и в приемном покое. Герра Шмидта принимала сосредоточенная доктор-ассистентка. Анита доложила: пациент мужчина, 78 лет, с тяжелым обострением хронической эмфиземы, страдает внезапными удушьями, хотя в данный момент кажется, что дышит нормально. Ассистентка была очень молода, но у Аниты было чувство, что девушка просекла ее уловку. Наконец из дверей лифта показался бывший муж и подошел своей обычной торопливой, но расслабленной походкой. Анита не знала, как ей следует его приветствовать. Встреть она его на улице, подхватила бы под руку или обняла, но в клинике они никогда так не делали. Она протянула ему руку, даже не снимая латексной перчатки.

– Добрый день, – сказал он.

– Добрый день, – ответила она, – по телефону я все рассказала. Это герр Шмидт, 78 лет, обострение хронической эмфиземы легких.

– Хорошо. Я его забираю.

– Вот протокол.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – отозвалась Анита, едва не добавив «герр коллега», но это слишком уж как в романе, не перестараться бы в присутствии ассистентки. Анита и ее бывший вместе помогли пациенту пересест из транспортировочного кресла в другое, на колесах, не задев даже его кислородный шланг. Давно уже Анита не видела Адриана так близко. Она заглянула ему в глаза и подумала о том восторге, с которым Адриан начинал в любекской больнице. Куда что девается: теперь он выглядел только уставшим. Она положила герру Шмидту на колени его сумку, что собрал Маик, и сказала:

– До свидания. Поправляйтесь.

– Спасибо, фрау доктор.

– Позаботься о нем. – Анита осторожно улыбнулась Адриану, как только ассистентка вышла.

– Естественно, – отозвался Адриан, и Анита почувствовала, что они еще на один шаг отдалились друг от друга.

Он ей не улыбнулся, посмотрел устало и равнодушно, и этот взгляд ей напомнил, почему она много лет любила его и почему больше не любит.

– Как вообще дела? – поинтересовалась она.

– Нормально. Устал. Как сама?

И почему-то посмотрел на свой телефон.

– Как всегда. Обживаю новую квартиру. Самой нравится.

Не рассказать ли о Рио? Нет, не время. Да и некогда. К тому же с Рио все еще совсем неопределенно. Адриан явно торопился. А кто в этой больнице не торопится? Главное, герр Шмидт в добрых руках. Ее план сработал.

Адриан попрощался и увез пациента к лифтам. Анита поглядела им вслед, пошла в машину и с удовлетворением опустилась на пассажирское сиденье. Поехали.

– Адриану совсем неохота возиться с герром Шмидтом, – заметил Маик.

– Ты так думаешь?

– Думаю, вам больше не стоит играть в эти игры, раз уж вы теперь не вместе.

– Почему?

– Потому что как раньше уже не будет. У меня тоже так было, когда мы с Тео разошлись. Один другому слишком напоминает о том, что у них было.

– Значит, мы больше не должны помогать таким, как герр Шмидт?

– Всем не поможешь.

– Я не пытаюсь помочь всем. Только иногда кому-нибудь. Мы же добрые, ты же знаешь. – Анита пнула коллегу в бок.

– Добрые, но не психи.

– У нас зеленый.

День пролетел быстро. Один вызов следовал за другим. Только к семи вечера немного улеглось, и Анита вышла на воздух. В ординаторской нечем было дышать. К счастью, приемный покой и подстанция «Скорой помощи» в «Урбане» выходят прямо на канал, и рядом с выходом стоят лавочки, откуда можно смотреть на воду и лебедей. Анита любила тут посидеть, особенно в начале вечера.

Конец лета. Листья на деревьях темнеют и сморщиваются по краям. И этот удивительный размытый вечерний свет, от которого весь город на полчаса погружается в синеву, пока еще дети играют на площадках, – и это напоминает, что лето скоро пройдет, хотя на газонах еще загорают.

Может быть, сегодня последний жаркий вечер в этом году. И очевидно, так подумала не одна Анита. На канале, да и во всем городе, кипела жизнь, как это и бывает в последние теплые вечера. Всем разом приспичило выйти на улицу: бегунам, большим семьям и семьям маленьким, молодым парочкам и парочкам постарше, с фотоаппаратами и одинаковыми рюкзаками. На скамейку рядом с Анитой присел пожилой пациент, и она тут же подумала о герре Шмидте, который теперь с его хрипами окружен заботой в интенсивной терапии. И от этой мысли мир превращался для Аниты, пусть хоть на минуту, в утопию, где для каждого найдется место и будут решены все проблемы.

Так Анита себе это представляла, когда почти двадцать лет назад покинула родительский дом, чтобы стать врачом. Она родом из маленького городка на юге Германии, где ее отец работал аудитором, скупил половину недвижимости в городе и передал ее в управление ее матери. Где именно на юге Германии находится этот городок, не имеет значения. Анита по своей воле уехала учиться на север, в Любек. И этим все сказано. Она бы и еще севернее уехала, хоть на сам Хельголанд, будь там университет.

Первые два года в университете были как своего рода свободное падение. Студенчество, вечеринки, пиво рекой, наслаждение одиночеством, тоска по дому. Завязались отношения с одним студентом с факультета технологий защиты окружающей среды, он занимался акустикой слуховых аппаратов. Были и другие знакомства в пивных и кафе, где о профессии вообще речь не заходила. Была и одержимость жить так, как никто в родном городе от нее не ожидал. К экзаменам начала готовиться, когда уже было вообще-то поздно, учила ночи напролет, спала днем часа по два, не выходила даже в магазин и питалась на бегу в гриль-забегаловке рядом с университетской клиникой, одним из немногих тогда в Любеке круглосуточных заведений. Тогда эта учебная лихорадка так захватила Аниту, что она каждую минуту думала о чем-то медицинском: энзимы, ферменты, активные вещества, нервы и мускулы обволакивали ее, как кокон. Вечером перед первым экзаменом она накинула куртку и вышла в кафе захватить домой гамбургер и, ожидая заказа, гладила свою руку и перечисляла названия костей запястья, тихо, как ей казалось, но, видимо, достаточно громко, потому что к ней присоединился мужчина в голубой операционной форме, поедавший за соседним столиком половинку цыпленка с зеленым салатом.

– Сначала идет ладьевидная кость, потом полулунная.

– Я так и сказала, – обиделась Анита.

– Нет, ты их перепутала.

– Правда?

– Ты сначала назвала *Os lunatum*, а потом *Os scaphoideum*. А они идут наоборот. Подсказку знаешь?

– Some lovers try positions that they cannot handle[10 - Некоторые любовники пробуют позы, с которыми не могут справиться (англ.)], – отвечала Анита.

– Именно. Значит, сначала scaphoideum, то есть some, потом lunatum, то есть lovers.

– Я лучше съем гамбургер здесь, – поменяла Анита свой заказ.

В тот вечер она больше не стала ничего учить и на другой день сдала экзамен с весьма достойной оценкой.

С Адрианом у Аниты все вышло так, как и у других студентов-медиков. После нескольких неудачных отношений с кем-то с других факультетов появился наконец мужчина, с которым она осталась насовсем, с единственным во всем мире. Анита становилась врачом настолько неразделимо с Адрианом, что даже трудно сказать, кем они стали раньше – влюбленными или коллегами. Она многому у него училась, он ведь был на два курса старше, проходил уже последнюю свою студенческую практику, когда они познакомились. Но потом и Анита окончила университет и начала работать, и разница сократилась, потом совсем почти исчезла, и вот когда они сровнялись как профессионалы, начались разногласия: Анита с ее энтузиазмом, подвижничеством и желанием решить все проблемы стала все чаще и больнее сталкиваться с холодной и равнодушной отстраненностью Адриана от окружающего мира. Долгое время Анита полагала, что так проявляются его самодостаточность и замкнутость, и продолжала восхищаться мужем, но Адриан все реже подавал поводы для восхищения. И всякий раз, когда муж оставался дома, а Анита одна или с ребенком ходила на родительские собрания, детские вечеринки, дни рождения, в гости к общим друзьям, ей все больше казалось, что Адриану нужна жена в первую очередь, чтобы по жизни улаживать неприятности и решать проблемы.

– Ну, доктор? О чем мечтаем? – услышала Анита голос Маика.

– Да так. Погода располагает.

– Или думаешь об этом знакомом с вечеринки? – предположил Маик. – Позвонит, не позвонит?

Анита не сразу поняла. Все эти вызовы, медицинская форма и история с герром Шмидтом – Анита совершенно забыла о событиях последней ночи и вот теперь вспомнила.

– Так трудно ответить? Все еще тоскуешь по Адриану?

– Нет. Просто по-другому себе это представляла.

– И как же?

– Не так внезапно. Я думала, зарегистрируюсь на сайте знакомств, с кем-нибудь начну переписываться, встречусь с ним, посидим, поговорим, подумаем. А в прошлую ночь случилось все и сразу.

– Встретились, поговорили и спарились?

– Да ну тебя!

– Сколько ты выпила?

– Два бокала вина.

– Это ни о чем. Неужели ночью было так противно?

– Нет! Вовсе нет! – возразила Анита и сама удивилась собственной уверенности.

Маик с его прямоотой заставил ее подумать о прошлой ночи. Удивительно, прикосновения рук Рио были приятны и вызывали доверие, и ей нравилось проводить рукой по его тугим кудрям. Смущала только внезапность.

– Ну, ладно, меняем тему, – предложил Маик и показал толстую белую папку, – вот, прислали.

– Это документы для твоего повышения квалификации?

– Они самые. Скоро сможешь считать меня начальником службы спасения.

– Круто.

– Надо же как-то развиваться по жизни.

– Тебе выдадут такой... как его называют?

– Светоотражающий спецжилет, – напомнил Маик.

– Точно.

– Шути, шути.

– И не думала я шутить.

– Знаешь, сколько придется пахать.

– Извини, – попросила Анита, – я только очень надеюсь, что ты меня не бросишь и, даже когда станешь начальником, будешь возить меня на вызовы.

– Посмотрим, доктор, поглядим.

Запищал пейджер. Маик и Анита встали и пошли к машине. Поехали.

– Господи, скорее бы уже выходной, – заявил Маик.

Судя по всему, они оба надеялись, что этот вызов достанется уже коллегам следующей смены.

– Я после вызова пойду пиво пить. Ты как? – спросил Маик.

– Я с тобой, – отвечала Анита, читая сообщение на пейджере.

Что-то они слишком размечтались о пиве и выходном, а вызов-то между тем похожий.

– Опять удушье, – сообщила Анита, когда машина повернула на Бervальдштрассе.

– Может, из-за жары, – предположил Маик, – странно, мы опять туда же едем, что ли? Так, так, так, стоп!

В этот момент и Анита обратила внимание, что они снова едут по адресу герра Шмидта.

– Быть не может, – выдохнула Анита.

Ошибка? Нет, так не бывает. Герр Шмидт выписался из интенсивной терапии раньше срока? Почему? Она же его убедила. Не выдержал без сигарет? Не надорвались ли с ним коллеги в интенсивной?

Они снова остановились перед въездом в садоводство, карета «Скорой помощи» уже стояла у забора. Пошли к участку 127.

Подле герра Шмидта стояла дама, которая приветствовала врачей словами:

– Я соседка. Это я звонила.

Хозяин молчал.

– Вы опять дома, – спросила Анита, стараясь не сильно возмущаться.

– У меня ничего нет. Они говорят.

– Давайте по порядку. Расскажите все как было. Мы не торопимся.

– У меня нет обострения.

– И они вас выписали?

– Они не могут для меня ничего сделать.

– Кто именно вам это сказал?

– Врач.

– Какой именно?

– Тот самый, которого вы... – он задержал дыхание, как будто размышляя, как бы получше выразиться, поглядел на соседку, на Маика, – которого вы хорошо знаете.

– Доктор Паульсен?

– Откуда ему знать? – вмешалась соседка. – Его привезли на машине «Скорой помощи», я удивилась, зашла посмотреть, нашла его вот в таком состоянии.

– Я не хотел вас снова вызывать.

– Я же не могла вас бросить одного в таком состоянии, – возмутилась соседка.

Анита взглянула на Маика. Просто выписали, и все.

– Хотя бы социальный работник к вам приходит?

– Никто к нему не приходит, – сообщила соседка.

– Я справляюсь, – прохрипел больной.

– Мы отвезем вас в другую больницу, – объявила Анита.

– Не надо. У меня все как всегда.

– На этот раз получится, – настаивала Анита, – вообще-то всегда получается. Просто в «Урбане» интенсивная терапия, видимо, переполнена.

Хотя Анита знала, что это не так.

– Я останусь дома.

– Он совсем бледный, – заметила соседка.

– Я всегда такой.

– На этот раз получится. Я вам обещаю, – заявила Анита, не обращая внимания на взгляд Маика.

– Я приму мой тиотропиум...

– Но вы же должны что-нибудь сделать! – опять встряла соседка.

Ох, сказала бы Анита этой соседке, как она была бы рада поместить больного в интенсивную терапию! Но вместо этого Анита произнесла дежурную фразу:

– Против воли герра Шмидта мы ничего не можем сделать.

– Мне уже лучше, – подтвердил пациент и в доказательство своих слов, не отсоединяясь от кислородного аппарата, встал и прошествовал к полке за новой пачкой сигарет.

– Но вы же отключаете аппарат, когда курите, – заметила Анита.

– Всегда. Фрау доктор, я справлюсь. Уже много лет справляюсь. Простите за все эти хлопоты, – отвечал пациент.

Анита поймала нетерпеливый взгляд Маика. Все, решено. Больной, учащенно дыша, подписал отказ от госпитализации. Соседка успокоилась.

– Но если станет хуже, вызывайте нас снова, хорошо? – попросила Анита и кивнула ассистентам из службы спасения: могут быть свободны.

В сумерках возвращались через Кройцберг. Начало девятого. Надо добраться на подстанцию, сдать смену. И все, выходной. Маик стал ритмично нетерпеливо барабанить по рулю, как будто наигрывал мелодию.

– Кружку холодного «Йефера»[11 - «Йефер» (Jever) – марка пива.], – объявил он.

Анита не отвечала. Обычно она так же быстро и просто, как Маик, забывала все, что произошло за смену, но только не сегодня. Воодушевление, которое сопровождало ее весь день после того, как ей удалось поместить герра Шмидта в клинику, сдулось, как сдувается резиновый батут в конце народных гуляний.

Еще и протокол осмотра надо написать. Она взяла планшет с формулярами, вписала номер вызова, имя и адрес герра Шмидта, в пункте «неврология» прочерк, напротив шкалы комы Глазго – прочерк, диагноз – эмфизема легких – крестик.

– Ты решила заколоть этот планшет шариковой ручкой? – спросил Маик.

– Иначе нижние копии никто не прочтет, – ответила Анита.

– Ты расстроена. Из-за Адриана, да? – поинтересовался Маик на следующем красном.

– С чего ты взял?

– Ох, Анита, – вздохнул Маик, – знаю я тебя, ты всегда печешься о таких людях.

– Опека тут ни при чем. Это было чисто профессиональное решение. Пару дней в интенсивной облегчили бы ему жизнь на год вперед.

– Кто его знает, может, этот Шмидт сам виноват: захотел домой к своим сигаретам и сбежал, самостоятельный не в меру, и все свалил на Адриана?

– Ты думаешь, герр Шмидт врет?

– А с каких пор все наши пациенты говорят только правду?

– Ладно, не будем портить вечер, завтра выходной.

– Да что такого особенного стряслось-то?

Анита засопела и продолжала писать протокол. На это раз спокойнее.

По окончании смены Анита и Маик вышли из здания подстанции. Маик собрался уже было отправиться в Мерингдамм в запланированную пивную, но Анита спросила:

– Слушай, ты извини, ты не обидишься, если я сегодня с тобой не пойду?

– Да выпить-то я и один могу. А почему ты не идешь? Неохота?

– Вообще-то, и я бы выпила. Но надо еще кое-что уладить, – ответила Анита.

Есть одна мысль. Идея. Точно, надо пойти, надо выяснить. Хотя никто там не ждет и рад не будет. Плевать, надо идти! Надо это сделать! Она желает знать правду! Повинуясь порыву, Анита пошла медленно и нерешительно в сторону Диффенбахштрассе, где раньше располагалось психиатрическое отделение клиники «Урбан», а несколько лет назад его перестроили в жилой квартал для статусных медиков. Для таких людей, как Хайди и Адриан.

Анита только дважды коротко заходила к Лукасу, Хайди и Адриану в их новую квартиру. Удивительно, но ей приходилось уже делать над собой усилие, чтобы по дороге на работу обойти это место стороной. Она изо всех сил избегала этого обновленного кирпичного, только что отпескоструенного фасада, этой двери с табличкой «Келер/Паульсен», хотя рука сама как будто тянулась к звонку. И вот теперь Анита стояла в темноте перед этой дверью и глядела прямо в видеокамеру домофона.

Секунда собраться с духом. И она нажала на звонок. Из домофона раздался изумленный голос:

– Мама?

Анита посмотрела в темную камеру. Черт ее разберет, работает она или нет, хоть бы где огонек горел.

– Войти можно?

Дверь зажуужжала. Анита поднялась на второй этаж, в новый дом своего сына.

Как врач «Скорой помощи» Анита привыкла начинать анамнез с состояния жилища больного. Обитатели опрятных квартир склонны аккуратно регулярно принимать лекарства и посещать врача. Это как экспресс-анализ на токсины, аллергены или гормоны – сразу многое узнаешь о пациенте. С годами Анита и в личной жизни научилась проводить такие «экспресс-анализы». Библиотекарю, который не понимает, к какому разделу отнести новую книгу, начинает нервничать, необходимо четкое понимание вещей.

В квартире Хайди сразу складывалось впечатление, что хозяин этого жилища – человек с изысканным вкусом и чувством стиля. Чего стоил один только ценнейший паркет без единой царапины. В коридоре с головокружительно высокими потолками висели подписанные черно-белые фотографии из деревенской жизни пятидесятих годов. В гостиной царил невероятная комбинация из диванов, а на стильных стеллажах стояли несколько раритетных стильных сувениров. В потолки из гипсокартона вделаны галогеновые светильники, в их холодном прямом свете квартира превращается почти в театр со своей драматургией. По левую руку, рядом с балконной дверью, лестница на галерею, где стояла абстрактная скульптура. Справа от балконной двери в нише кресло с видом в сад, через подлокотник переброшен плед, рядом – столик с кофейником и двумя зачитанными журналами. В углу Анита обнаружила любимый постер Адриана в рамке – с Майлсом Девисом. Раньше этот плакат висел у них в гостиной. В этом доме постер Девиса – единственный признак того, что Адриан переехал сюда жить год назад. Практичный минимализм вместе с тщательно продуманным и оборудованным уютом напоминали VIP-зал в аэропорту.

– У нас сегодня на ужин сальтимбокка, – объявил Лукас, – я не знал, что тебя пригласили. Мы уже едим.

Анита последовала за сыном через новую гостиную в кухню от «Бультхауп», сверкающую благородной сталью. Здесь за большим обеденным столом с невероятно тонкой столешницей из стали на стульях от «Бройер» со свободно подвешенными сиденьями ужинало семейство. На заднем плане тихонько журчал домашний фонтан.

На столе в большом блюде, прикрытом чем-то зеленым, возлежали плоские куски мяса, подле стояла плошка с картофелем, по цвету посуда и еда идеально

подходили друг к другу. Хайди встала, увидев Аниту, приняла позу педагога по хореографии, явив в полном блеске свое платье и тонкую талию, небрежно бросила матерчатую салфетку на стол и обняла гостью так порывисто, что Анита даже не успела посмотреть на нее.

– Какой приятный сюрприз, – пропела хозяйка, воздушно целуя Аниту в обе щеки, даже не касаясь их губами, зато Анита ощутила прикосновение холодных жемчужных серег хозяйки.

Хайди выпрямилась, улыбнулась, блеснула белыми зубами и заправила прядь волос за ухо. Анита в очередной раз обратила внимание, как хорошо она выглядит. Платье с белыми и синими крапинами по зеленому фону подчеркивало ее фигуру и само по себе бросалось в глаза. На первый взгляд девчонка, на второй – очень утонченная девчонка.

– Будешь с нами ужинать? Адриан готовил. Получилось превосходно.

Адриан только сейчас поднял глаза от тарелки. Анита знала: бывший муж ненавидит спонтанные визиты. Во время их совместной жизни доходило до того, что Адриан не открывал дверь тем, кто приходил без предупреждения.

– Ну да, ты же знаешь мои стандарты, – произнес Адриан.

– Шалфей свежайший, – проворковала Хайди.

– Не знала, что вы ужинаете, не хотела мешать.

– Ерунда! Давай с нами.

– Надо было позвонить...

– Да брось ты. Садись уже, – велела Хайди.

Анита поглядела на Адриана и Лукаса в надежде увидеть хоть малейший знак одобрения, но оба молча продолжали есть. Хайди между тем скрылась в глубинах кухни и явилась с прибором и салфеткой для Аниты, разложила все это перед гостьей на сверкающей стали, и Анита, как магнитом притянутая, села за

стол.

– Вообще-то я уже ела, – прошелестела Анита.

– Кусочек, – уговаривала Хайди, накладывая Аните порцию, – ты же с дежурства. Эти длинные смены ваши – это бесчеловечно!

– Мы не каждую минуту заняты, есть время и отдохнуть, – возразила Анита.

– Все равно, вы – герои, – настаивала Хайди, – пашете как волы. И еще эта тяжелая публика. И никакого признания!

– Я правда на минутку... – начала было опять Анита, но Хайди довольно шумно плеснула ей в стакан воды из графина.

– Или налить чего-нибудь другого?

– Вода в самый раз, спасибо.

Анита не ела ничего с обеда, но теперь кусок в горло не лез. С этим блюдом слишком много связано воспоминаний. В последние годы вместе они часто его готовили и ели все втроем.

– Красиво у вас тут.

– Ничего особенного, – отвечала Хайди, указывая на стулья от Марселя Бройера, каждый из которых стоил почти тысячу евро, – простенько, но со вкусом, мы так решили. Надо мне к тебе наведаться.

– Обязательно, – подтвердила Анита, едва скрывая удивление.

– Мы сегодня на рисовании чертили архитектурные планы, – сообщил Лукас, – для настоящих домов. С окнами, жизнеобеспечением и в масштабе.

– Здорово. Справились?

- Вроде да. Расчеты сложные. Надо было масштаб рассчитать и начертить дом 1:1000 или 1:2500.
 - Тут из-за одной ошибки все пойдет криво.
 - Вот в том-то и дело.
 - И ты справился? – уточнила Хайди.
 - Да.
 - Супер! – Анита похлопала сына по плечу, может быть, слишком крепко.
 - Ай! – засмеялся Лукас, быстро дожевывая свой кусок. – Я пошел, мне еще надо написать страницу о дневных хищных птицах.
 - А, твои любимые. Это ты одной левой, – подбодрила Анита.
 - Я взял биологию как предмет по выбору. Ты знала, что совы могут с места полететь назад? У них есть такой коготь на лапах, такой специально изогнутый, практично.
 - Неплохо, – подал голос Адриан, до того настолько поглощенный едой, что, казалось, и не слушал вовсе.
 - Я не знала, – призналась Анита, и на мгновение ей показалось, что это опять один из сотен семейных разговоров за обеденным столом в последние годы.
- Тут встряла Хайди:
- А что с алгеброй?
 - Я пока делаю биологию.
 - Сделай сначала алгебру, это важнее. Биология подождет, фанат хищных птичек. – И Хайди погладила Лукаса по голове, вернее, по бейсболке, которую он

не снимал во время еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В Берлине «Скорая помощь» состоит из двух подразделений: службы спасения и врачей «Скорой помощи». Служба спасения относится к пожарной охране. На вызов выезжают двое спасателей в фургоне, который и представляет собой карету «Скорой помощи». Одновременно на вызов со станции «Скорой помощи» приезжает врач-специалист с ассистентом. Ассистент является и водителем, по специальности он может быть также и пожарным, и спасателем, и медиком. Машина врача «Скорой помощи» – это легковой автомобиль, не предназначенный для транспортировки больных, поэтому при необходимости врач переходит в фургон спасателей и сопровождает больного в клинику. (Примеч. пер.)

2

Себастьян Феттель – немецкий гонщик, чемпион «Формулы-1».

3

Шпрее – река, на которой стоит Берлин.

4

Алекс – Александерплатц – одна из центральных площадей Берлина.

5

Митте – один из центральных районов Берлина.

6

А теперь давай напьемся (англ.).

7

Йоханнес Хистерс (1903–2011) – немецкий актер нидерландского происхождения.

8

Пошел вон из моего приемного покоя (англ.).

9

«Божий дом» (1978) – автобиографический роман американского психиатра Сэмуэля Шэма (р. 1944).

10

Некоторые любовники пробуют позы, с которыми не могут справиться (англ.).

11

«Йефер» (Jever) – марка пива.

Купить: https://telnovel.com/ru/magnusson_kristof/anatomiya-schast-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)